

ОСНОВАНИЕ ХАРЬКОВА.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНИЕ.

Посвящается Валеріану Андреевичу Квиткѣ.

Да; городъ Харьковъ отличенъ отъ многихъ губернскихъ городовъ. Взгляните на него хоть слегка, хоть со всею внимательностію; прелесть! улицы ровныя, чистыя, прямыя; публичныя зданія великолѣпны, частныя дома красивы, милы; магазины наполнены всякаго рода товарами, вещами въ изобиліи и безпрестанно смѣняющимися новѣйшими, изящнѣйшими; не успѣетъ что явиться въ Петербургъ, уже привезено въ Харьковъ и продано. Училища, театръ, гостинный дворъ, различныя художественныя заведенія чего въ немъ нѣтъ! — Сколько потребно времени пройти городъ вдоль, устанешь, просто устанешь; а кругомъ обойти его, и неговорите, чтобы можно было въ одинъ день; это-же еще и безъ предмѣстій. И что въ немъ завидно, такъ это то, что въ нынѣшнемъ году городъ былъ, кажется, конченъ совсѣмъ; крайній дворъ извѣстенъ; на слѣдующій годъ, глядишь, уже отъ того двора выдвинулось въ поле нѣсколько улицъ, выстроены до-

мики, — и границы города измѣнились. — Да чего? самая
Основа (не забудьте пожалуйста объ этомъ; намъ нужно
будеть вспомнить), Основа уже почти соединена съ го-
родомъ, — городъ вливается въ нее. — Въ семь году хо-
дишь по городу, идешь изъ улицы въ улицу, видишь до-
мики, дома, деревянные, не только не ветхіе, но еще и
не старые; зайдешь туда на другой годъ . . . батюшки
свѣты! гдѣ я? . . . Все это застроено новыми, каменными,
уже не домами, а палатами обширными, въ два, три, че-
тыре этажа; и все красиво, мило, и все и вездѣ напол-
нено народомъ, вездѣ жизнь, движеніе, суета . . . нѣтъ,
именно нѣтъ во всемъ городѣ пустаго, не занятаго угол-
ка. — На будущее лѣто вырастетъ изъ земли пятьдесятъ
домищевъ въ нѣсколько этажей, каждый растянется на
десяткахъ саженой, верхъ еще кладутъ, до крыши дале-
ко, а въ низу жильцы движутся, промышленяють . . . Ста-
ло быть, нужно строиться, есть изъ чего строить. Стало
быть, народъ прибавляется, — непокидаютъ Харькова, а
стекаются въ него изъ разныхъ мѣстъ. — Стало быть, въ
немъ жить привольно, покойно, удобно: мастеровому, если
только не сидитъ безъ работы; промышленнику, который
удачно ведетъ свои обороты; купцу, сбывающему выгод-
но свой товаръ; гдѣ имъ защита и покровительство отъ
начальства, такъ они туда роємъ летятъ. Классу людей,
понимающихъ къ чему ведутъ науки, ужъ какое удобство
обучать дѣтей! изъ какихъ мѣстъ не набѣгаютъ въ Харь-
ковъ! — Расположились прожить пока дѣти окончать уче-
ніе, глядишь, купили домъ, остались жить у насъ навсег-
да: покойно, угодно, неубыточно, весело . . . что еще нуж-
но для безмятежной жизни? . . .

Посмотрите вы на этого молодца, на этого франта между городами, посмотрите на Харьковъ въ праздничный, торжественный день, — чудо! — Стукъ экипажей по мостовымъ въ разныхъ улицахъ, всѣ спѣшать къ одному пункту экипажи что ни налучшіе; модно, блестяще, красиво; кони завидные, упряжь одна другой наряднѣе, свѣтится, сіяетъ какъ жарь; кучера въ ямскихъ, лихо отдѣланныхъ, хватски изукрашенныхъ кафтанахъ; ловкіе, лихіе лакеи въ блестящихъ ливреяхъ съ аксельбантами. . . . стоишь въ сторонкѣ, любишься глядя на все это; нечего похулить! — Войдите въ Соборъ: пройдите черезъ ряды купечества, степенно, важно стоящаго, да какого купечества? — Гдѣ случается имъ бесѣдовать между собою о своихъ дѣлахъ, тамъ милліоны у нихъ за урядъ, а о сотняхъ тысячахъ рѣдко и говорить приходится. Идите дальше: вотъ вы въ кругу чиновниковъ; всѣ въ мундирахъ, блестяще, пышно, важно, золото, серебро, блескъ; взгляните на лѣво: дамы, дѣвицы, всюду скромность, красота, прелесть убранства, наряды, все прилично, все со вкусомъ; перлы, брилліанты, тутъ послѣднее дѣло. . . . смѣтрите, и не насмотритесь; любуетесь, не налюбуетесь!

Всѣ эти добрые Христіане проводятъ день всякій по своему состоянію, дружно, согласно, а потому и пріятно. Въ одномъ домѣ двадцать, въ другомъ тридцать, пятьдесятъ обѣдаютъ. Вездѣ роскошь, изобиліе! Лучшія яства, вина, сочные свѣжіе плоды, серебро, хрусталь, вазы съ цвѣтами. Говоръ, шутки, смѣхъ, свобода приправляютъ обѣды. Разговоры безъ пересудовъ, хотя изъ обѣдающихъ больше половины дамъ; безъ сметней; разсужденія здравыя, прямыя; судятъ, рѣдятъ о музыкѣ,

литературъ, произведеніяхъ искусствъ, прислушиваешься.... сужденія точнѣе, *je vous assure* дѣльнѣе, чѣмъ въ иномъ журналѣ.

Пришелъ вечеръ. Не сговаривались, не условливались, а всѣ опять вмѣстѣ, въ театрѣ или въ благородномъ собраніи, Въ театрѣ есть на что посмотреть, есть чѣмъ заняться и потомъ послушать хоть и не печатныхъ, а дѣльных сужденій. Входите въ благородное собраніе.... зала превосходная, огромная!.... Цари хвалили ее!.... Свѣтъ, блескъ, многолюдство. Чинно, пристойно, весело; въ толпѣ васъ никто не тѣснить, кажется заботится о вашемъ спокойствіи. Поговорите съ кѣмъ и о чемъ угодно; находите знаніе, образованность, свѣденія.... Взгляните на прекрасный полъ, сидящій на возвышеніи въ ожиданіи бала. А? что скажете? Цвѣтникъ, сударь, да еще какой! Отличныхъ, прелестныхъ, цвѣточекъ къ цвѣточку подобранныхъ, благоуханныхъ, ароматныхъ.... ну, не приберу словъ; голова отупѣла, гляжу, люблюсь и.... Наряды, убранство, ловкость во всемъ; все у мѣста, граціозно, лучше нельзя придумать. Поговоривши съ молодыми людьми, васъ окружавшими, вы пріятно провели время, насладились дѣльнымъ разговоромъ.... Подойти къ цвѣтнику, любуетесь; вотъ студенты, чиновники.... О чемъ вамъ угодно будетъ поговорить, о литературѣ русской, французской, о музыкѣ нѣмецкой, италіанской, о композиторахъ.... судъ здравый, толковый, французскій языкъ правильный, выговоръ чистый... Столица, право-слово, столица!....

Музыка гремитъ, кадрили, вальсы, мазурки, все идетъ своимъ порядкомъ. Вездѣ грація, ловкость, пристойность, въ парныхъ разговорахъ острота, любезность, немножко

кокетства, столь прелестнаго въ прелестныхъ, необходимаго въ милыхъ....глядишь....и узелокъ завязался....

Вообще видите стройность, образованность, пышность безъ чванства, хлѣбосолюство, радушіе, вкусъ, здоровое сужденіе, умѣніе жить.....

Смѣшонъ мнѣ нашъ Харьковъ!....Какъ онъ упитался, какъ онъ распространился, какъ онъ разукрасился! Привлекъ къ себѣ иногородныхъ торговыхъ гостей, ворочающихъ милліонами, вкоренилъ ученіе высшимъ наукамъ, самъ принарядился, расфрантился, шаркаетъ по европейски, отплясываетъ французскія кадрили, погуливаетъ на многолюдныхъ ярмаркахъ, припасааетъ самое лучшее изъ наилучшаго, любезничаетъ съ дамами, не наговорится о премудрости, чванится далекою о себѣ славою, гордится передъ своими братьями, не даетъ никому ступить себѣ на ногу, поглядываетъ только какъ и старшіе его братья шапки предъ нимъ снимаютъ, а самъ, заломя голову, руки по столичному залажа въ карманы, думаетъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ *фря* какой!.... Эхъ, голубчикъ ты мой! Ну, что, какъ я расскажу про твое рожденіе, какъ ты росъ и мужалъ? Каковъ былъ ты въ началѣ и каковъ теперь — сравнить, такъ просто умора! Былъ такъ — себѣ, ничего, даже и въ простыя городишки не наровился, а глядишь, какъ счастье послужило?

Не угодно-ли послушать истинной правды?

=

Въ древнемъ Русскомъ городѣ Кіевѣ, стонавшемъ подъ игомъ польскаго владычества, хозяинъ одного дома, окончившій службу и жившій на свободѣ, по прозванію панъ

Ясенковскій, 1604 года, Іюня въ 13-й день, отобѣдавъ вкусно, и, по обычаю благочестивыхъ предковъ, соснувши порядочно, къ вечеру, когда свалилъ жаръ солнечный, вышелъ на крыльцо, сѣлъ на стулъ, думалъ о сѣмъ, о томъ и — кто его знаетъ, — о чемъ онъ не передумалъ! Далѣе какъ слѣдуетъ, зѣвнулъ разъ — другой — пятой.... вдругъ слышитъ кто — то ударилъ въ кольцо.... хозяинъ приказалъ прислугѣ узнать, кто у калитки и какое имѣетъ къ нему дѣло? Спросившій донесъ, что это подѣхалъ на телегѣ какой-то больной старичокъ и съ нимъ мальчикъ — дитя. Больной — де — проситъ Христа ради впустить его во дворъ и не дать ему среди улицы умереть.... «Христа ради? вскрикнулъ хозяинъ: — » скорѣе отвори ворота, пусть въѣзжаетъ.

Хозяинскій прислужникъ ввелъ лошадь съ телегою. Слабый, больной, едва движущійся старикъ лежалъ протянувшись въ пустой телегѣ. Подлѣ него сидѣлъ мальчикъ семи — восьми лѣтъ, необыкновенно красивый. Голубые глазки его даже помутились отъ слезъ, блѣнное личико загорѣло отъ солнца, платье на немъ.... лохмотья, ноги босикомъ.

Хозяинъ подошелъ къ старику, началъ спрашивать, кто онъ, изъ какихъ мѣстъ и куда Господь его несетъ...?

«Мой путь..., коротокъ; — едва могъ проговорить старикъ и потомъ собираясь съ силами, продолжалъ: — » путь конченъ.... въ могилу.... накормите дитя..... цѣлый день не кушалъ....»

И уже хозяйка съ дочерью выхватили мальчика, повели его въ домъ, поспѣшили накормить, потомъ умыли, причесали, нашли сколько нибудь пристойное платьице, санож-

ки.... мальчика ни что незанимало, онъ какимъ-то смѣшаннымъ нарѣчіемъ просилъ, чтобы его отпустили къ Агафону.

Старика уже внесли въ особую избу и привели къ нему мальчика. Во все время его отсутствія, старикъ замѣтно, безпокоился и все посматривалъ кругомъ, но когда увидѣлъ его близъ себя и уже пріодѣтаго, вздохнулъ свободно и силился что-то сказать, но выговоривъ: «Богъ вамъ....» ослабѣлъ, замолчалъ и вскорѣ уснулъ.

Хозяева увели мальчика къ себѣ, ласкали его, а болѣе всѣхъ любовалася имъ панна, хозяйская дочь, двѣнадцатилѣтняя семнадцатилѣтняя. Она завладѣла имъ совершенно.

«Какъ тебя зовутъ, душка? спрашивала она его.

— Андрей. —

«А панъ - отца твоего, батюшку какъ зовутъ? »

— Батюшка. —

«А еще какъ? »

— Ни какъ больше. —

«Гдѣ онъ? »

— Побѣхалъ. —

«Куда? »

— Незнаю. —

«А этотъ Агафонъ, кто онъ такой? »

— Онъ нашъ. —

«Онъ взялъ тебя отъ батюшки? »

— Нѣтъ, батюшка велѣлъ ему со мною уйти, а Агафонъ купилъ лошадь, да привезъ меня къ вамъ въ Кіевъ. Меня одного, а Гриши уже не было. —

«А кто же этотъ Гриша? »

— Кто? А какъ же? братъ мой. —

«Гдѣ же онъ? »

— У тетушки. Вотъ-то ужъ вѣрно забудеть совсѣмъ по Русски!

«Кто же тетушка твоя и гдѣ она живетъ?»

— Еще дальше того города, гдѣ мы жили; а я не-
знаю ничего, хоть и неспрашивайте. Спросите у Агафона.
О! онъ все знаетъ. И какія сказки умѣетъ рассказывать!
Какъ я былъ еще маленькій, такъ онъ много мнѣ ихъ
говорилъ. А Гриша бывало тотчасъ уснетъ. —

И изъ такихъ короткихъ отвѣтовъ не все можно было
понять, потому что онъ въ нихъ вмѣшивалъ нѣмецкія
слова.

Агафонъ же былъ такъ слабъ, что его несмѣли беспо-
коить разспросами. Въ дорогъ и подъѣзжая къ Кіеву,
онъ преодолевалъ болѣзнь и напрягалъ силы, чтобы
добратъ до города; а когда уже нашелъ пристанище,
то бодрость и напряженныя послѣднія силы оставили
его и онъ, къ вечеру, впалъ въ безчувствіе.

По утру, онъ казался крѣпче и свѣжѣе; на разспросы
пана Ясенковского отвѣчалъ: — «Не смогу еще всего по-
рядкомъ рассказать; много — много намъ горя было!....
Дастъ Богъ, укрѣплюся еще маленько, долженъ вамъ все
открыть, чтобы вмѣстѣ отыскивать боярина моего.... При-
голубьте сироту.... дитя боярское....»

— Отдохни, старикъ! Тебѣ тяжело говорить. Будешь
покойнѣе, пришли за мною, мнѣ хочется все знать. —

«Что могу, расскажу.... Нужно бы и боярина отыски-
вать.... коли смерть несвяжетъ.... Охъ, бѣдный бо-
яринъ!.... и старикъ замолкъ, утирая слезы.

Панъ Ясенковскій оставилъ его, чтобы онъ не изнурилъ
себя рассказами.

Еще насталъ день, но старикъ видимо слабѣлъ.... Къ вечеру спросилъ священника и примолвилъ: «но нашего.... нашего, православнаго.... святаго закона. Благодарю Бога, что кости мои не останутся въ невѣрной землѣ, а лягутъ въ Богоспасаемомъ градѣ!....»

Изъ ближняго монастыря призванъ былъ духовникъ, но по слабости больного, исповѣдь была краткая и онъ, пріобщившись Св. Таинъ, призвалъ пана Ясенковского и съ большимъ усиленіемъ сказалъ:—«Умираю, батюшка!... Не оставьте сироты!.... Бояринъ.... скоро будетъ въ Кіевѣ.... коли благополученъ.... Спросите въ Лаврѣ.... у отца.... забылъ. Здѣсь (положивъ руку на свои рублища) цѣпь... гривна... крестъ... въ опалѣ онъ... бумаги... Господи! я вѣрный рабъ... сохранилъ...» далѣе изъ словъ его не можно было ничего понять... потомъ затихъ и скончался.

Въ рубищѣ, бывшемъ на немъ при пріѣздѣ къ пану Ясенковскому, найдены зашитыми въ полахъ и рукавахъ золотыхъ и серебрянныхъ, разныхъ цѣпей, пятьдесятъ шесть монетъ; также золотой крестъ, длинная цѣпь чистаго золота русской работы. Гривны же и бумагъ, о коихъ упоминалъ Агафонъ, во все не было. Находили мѣста, гдѣ было зашиваемо нѣчто большое, но какъ Агафонова одежда была ветха, то зашитое прорывало платье. Старикъ перешивалъ въ другое мѣсто, и легко случится могло, что изъ послѣдняго мѣста, все сохраненное, также протерши рубище, выпало гдѣ нибудь въ дорогѣ, и Агафонъ въ слабости отъ болѣзни не почувствовалъ и не хватился, а умирая полагалъ, что все при немъ.

Взвѣсивши цѣпь, панъ Ясенковскій съ духовникомъ

записали въсь ся и число монеть, сложили все это въ одинъ ящикъ, съ описаніемъ при какомъ случаѣ все это найдено, запечатали общими печатами и панъ принялъ на свое сохраненіе. Кресть же, какъ видимо, данный ребенку при крещеніи, тутъ же повѣсили на маленького Андрея.

На этомъ кресть, длиною въ вершокъ и довольно полновѣсномъ, съ одной стороны изображено было распятіе, отличной, *заморской* работы, а на другой сторонѣ вырзаны были русскія, церковныя слова, подъ титлами, но только такъ неясно, и безъ раздѣленія слова отъ слова, что видимо было, что ихъ вырзывалъ незнающій русскаго языка, и копировалъ изъ написаннаго. Почти всѣ буквы были исковерканы, нѣкоторыя уподоблялись нѣмецкимъ, даже были, вмѣсто буквъ, произвольныя фигуры, незначающіе ничего. Вотъ что ясно прочесть можно было:

«...раба Божія, боярина Москов.... с.....»

«Афанас....сынъ Андрей, родился въ лѣтъ....»

«7102 Ноемвр... въ 24 д... въ Ригѣ.»

Вѣрнаго раба Божія и усерднаго слугу боярскаго Агафона, похоронили по приличію. Малютка Андрей, чувствуя свое положеніе, плакалъ неутѣшно. Потомъ убедительно просилъ пана Ясенковскаго «пойти въ Кіевъ отыскать отца и Гришу и привести ихъ къ нему.»

Панъ Ясенковскій, сколько могъ, объяснилъ ему, что не знавши вовсе кто отецъ его, гдѣ онъ находится, не возможно дѣлать розысковъ. Что-бы чѣмъ разсѣять его, сдѣлано было для него новое, панское платье. Замѣтили, что онъ какъ будто любитъся имъ. «Андрей! — спросилъ его панъ Ясенковскій: — скажи мнѣ, у тебя никогда небыло такого наряднаго платья?»

— О, какъ же! — отвѣчалъ онъ: — у насъ съ Гришею много — много платьевъ гораздо лучше этого. А теперь я радуюсь, что оно лучше того, которое дали вы мнѣ какъ пріѣхалъ я къ вамъ. А въ какомъ я пріѣхалъ . . . такъ и не показывайте мнѣ. Да это Агафонъ нарочно вздѣлъ на меня такое и самъ надѣлъ лохмотья. —

Замѣтили, что малютка одаренъ былъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ, дѣлался живѣе и развязнѣе, и панъ Ясенковскій, сталъ выпрашивать его, гдѣ онъ прежде жилъ и съ кѣмъ, что помнить изъ дѣтства своего, и вотъ что Андрей разсказывалъ:

«У меня были батюшка, матушка, Агафонъ, Василиса, да еще . . . ну, да тѣ были не добрые ко мнѣ, портили мои игрушки и частенько обижали меня. Я, разъ, пожаловался на нихъ батюшкѣ, но какъ онъ ихъ выдралъ за уши и таки порядочно, да грозилъ, что впередъ и не такъ накажетъ, такъ мнѣ стало ихъ жалъ и послѣ того что бы они мнѣ ни сдѣлали, какъ бы ни досадили я уже молчалъ; а они тутъ — то еще больше меня обижали. Жалъ было и батюшку огорчать; онъ былъ всегда печальный, а особливо какъ получилъ письмо, ужъ онъ его читалъ, перечитывалъ, плакалъ горько и цѣловалъ письмо . . . Вѣрно, оно было святое? . . . Съ матушкою часто бывало говорить о Москвѣ и тутъ — то батюшка горько — горько плакалъ!

«Однажды онъ проговорилъ: О Москва, Москва? полетѣлъ бы къ тебѣ!» Меня это очень испугало. Гриша былъ еще маленькій, онъ не могъ понять этого; ему ни до чего нужды небыло, все съ своими игрушками. . . . Какъ сказалъ батюшка, что полетѣлъ бы въ Москву, такъ я

и началъ бояться, чтобъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не полетѣлъ, и все, бывало примѣчаю за нимъ; куда онъ ни пойдеть, а я за нимъ, да и смотрю не собирается-ли онъ летѣть не смѣйтесь-же; мнѣ жаль было бы разстаться съ нимъ!

«Разъ мы спали вдругъ насъ схватываютъ, уносятъ и повезли. Тутъ мы начали жить не въ томъ городѣ, а въ другомъ; тамъ уже было не множко домовъ. Гриша говорилъ семь, по праву меньше; онъ еще не умѣлъ считать; а было всѣхъ десять домовъ. Да какіе-же смѣшные дома! маленькіе, тѣсные; въ такомъ и мы жили. Батюшка не выходилъ никуда, все въ запертой комнатѣ сидѣлъ. Да не можно ему было никуда выйти; онъ такой высокій, а двери низенькіе; какъ идетъ изъ комнаты въ комнату, то и наклоняется. Вдругъ матушка наша умерла. Она много плакала тихонько отъ батюшки, видѣвши, что онъ запрячется особо и плачетъ, и все о Москвѣ вспоминаетъ. А какъ жаль, что матушка умерла! Она уже было начинала говорить по русски; а то всегда говорила съ батюшкою и съ нами по нѣмецки. И какая она была!... Что она мнѣ говорить, я все понимаю, а она меня во все непонимаетъ. Толкую, толкую, а она и ничего — Батюшка все понималъ по русски, и съ нами говорилъ, и нянѣ Василисъ и Агафону приказывалъ говорить съ нами по русски; а какъ имъ иначе и говорить? они только и знали по нѣмецки, что нѣсколько словъ. Съ начала какъ умерла матушка, я не очень плакалъ; какъ же опускали ее въ землю и батюшка плакалъ на взрыдъ и цѣловалъ матушку, даже и тотъ, въ черномъ, что много читалъ надъ нею, такъ и тотъ плакалъ, тутъ ужъ и я плакалъ много уви-

22582

Библиотека
№ 3022

дѣвши, что матушку спрятали и она уже не будетъ съ нами, не будетъ насъ голубить и цѣловать!....»

Андрей утеръ крупныя слезы и продолжалъ:

«А Гриша, такъ тотъ все плакалъ, да будилъ матушку, что бы встала и кончила чулочки, что начала вязать для него. Онъ, знаете, былъ тогда маленькій и не понималъ, что какъ умрешь, такъ уже не встанешь, много — много плакалъ я за матушкою!.... Батюшка любилъ меня и цѣловалъ много, да все какъ-то не такъ, какъ матушка.

Долго, не знаю сколько дней мы уже жили безъ матушки. Ужъ и Василиса умерла, говорили чрезъ два года послѣ матушки. Батюшка еще чаще плакалъ и уже говорилъ: «не хочу въ Москву, здѣсь умру. Ты, Агафонъ, отвезешь ихъ къ Борису. Отдастъ имъ все, хорошо; но ужъ не загубить; а здѣсь что дѣлать мнѣ съ ними? Подрастають, какъ ихъ устроить?» Да и въ самомъ дѣлѣ, я, послѣ матушки, выросъ порядочно; не знаю какъ Гриша, потому что когда матушку спрятали въ землю, такъ его взяла къ себѣ наша тетюшка, такая добрая!

Батюшка уже выходилъ и уѣзжалъ отъ насъ часто. Какъ-то, въ одинъ вечеръ пріѣхалъ, да такой печальный?... позвалъ Агафона къ себѣ и что-то ему шопотомъ говорилъ. Тотъ какъ зарыдаеть, да такъ и упалъ къ ногамъ батюшки и, слышно мнѣ, просить: «Не губи, говорить, кормилецъ души своей, не иди на явную смерть, грѣхъ! А убійцею станешь, такой же смертельный грѣхъ!» Батюшка все приказывалъ ему, когда что утромъ услышишь обо мнѣ, такъ тотъ-часъ возми здѣсь что есть нашего и Андрея, заѣзжай за Григоріемъ къ сестрѣ, и вези ихъ въ Москву. Я ночью заготовлю письма, отдашь въ

Москвѣ кому слѣдуетъ, авось доложить Царю.» Много — много что говорилъ, я слушалъ, слушалъ, да и заснулъ.

«Разбудили меня еще ночью. Батюшка схватилъ меня на руки, цѣловалъ — цѣловалъ . . . и ужъ какъ плакалъ! . . . Все говорилъ: «Бѣдные сироты! Богъ васъ не оставитъ!» Потомъ сказалъ: «Слушай, Андрей, и помни что я буду говорить, никогда забудь. Благословляю тебя, сынъ мой! Отецъ небесный да благословитъ васъ! . . . Увидишь брата, положи ему руку вотъ такъ на голову и скажи: Братъ! прими родительское благословеніе!» — Я это очень помню. Послѣ этого батюшка взялъ саблю, да такую большую! — и скоро пошелъ куда-то. Оставшись одинъ, я все твердилъ батюшкины слова, что сказать Гришѣ, а Агафонъ — онъ уже одинъ у насъ и былъ — такъ онъ все стоялъ предъ образомъ, да клалъ поклоны и горько плакалъ.

«Уже былъ день; Агафонъ спѣшилъ укладываться, какъ вбѣгаетъ батюшка, блѣдный — блѣдный какъ вотъ бумага и закричалъ:» Агафонъ! я убилъ его! . . . меня схватятъ! . . . Кинь все. Бери Андрея и, какъ знаешь, пробирайся къ Кіеву. Тамъ я васъ найду. Гришу вышло къ вамъ. Скорѣе спасайся; скоро придутъ. Не найдя меня, будутъ мстить дѣтямъ. И въ дорогъ старайся, чтобъ не узнали тебя.»

«Сказавъ это, разцѣловалъ меня, обмилъ слезами и скрылся, закричавъ: найду васъ въ Кіевъ!

Агафонъ только что успѣлъ схватить руку его и поцѣловалъ горько рыдая. Потомъ досталъ какую-то шкатулку, взялъ ее и повелъ меня за руку. Шли мы не по дорогѣ и я скоро усталъ. Агафонъ понесъ меня и какъ ни старъ, а шелъ скоро и дошелъ до лѣса. Вошедши въ густоту

лѣса, упалъ и сталъ точно недвижимъ; такъ истомился идучи скоро и еще меня неся на рукахъ. Я былъ голоденъ и жаловался о томъ Агафону, а онъ просилъ меня какъ нибудь потерпѣть, потому что прежде вечера не можно выйти изъ лѣса.

Передъ вечеромъ, онъ раздѣлъ меня и самъ также снялъ съ себя платье и зарылъ все это съ шкатулкою въ землю; потомъ взялъ меня почти въ одной рубашонкѣ какъ и самъ былъ и повелъ изъ лѣса. Скоро мы пришли въ какой-то городъ также не большой. Тутъ онъ началъ выпрашивать у живущихъ тамъ людей платья для насъ и рассказывалъ — да какъ смѣшно: слово по нѣмецки, другое по русски, а чего не поймутъ слушающіе, такъ онъ руками размахиваетъ; и наговорилъ имъ, что будто насъ ограбили разбойники. А это во все была не правда. Это онъ хотѣлъ только одурачить ихъ, а тѣ и повѣрили, надавали намъ платишковыхъ дрянныхъ, вотъ въ которыхъ я пріѣхалъ къ вамъ. Нужды нѣтъ что было все старое и дыравое, мы одѣлись въ него. Агафонъ все просилъ меня не вѣшнваться въ его рассказы и не смѣяться, потому что я, глядя на него и на себя, такъ и готовъ былъ расхохотаться. Тутъ же въ этомъ городѣ мы и переночевали, а на другой день пошли въ тотъ лѣсъ, гдѣ было спрятаво наше платье.

Какой же хитрый Агафонъ, такъ вы не повѣрите! Ни мнѣ не далъ, ни самъ не вздѣлъ прежняго платья, а все это распоролъ и увязалъ въ узелъ да и повѣсилъ на себя. Шкатулку разбилъ, досталъ длинную золотую цѣпь, большой талеръ, что-ли, весь золотой, кучу денегъ и бумаги. Все это, также и вотъ этотъ крестъ снялъ съ меня

и зашилъ по частямъ въ свое лохмотье. Такъ мы и пошли. Приѣдемъ въ какой городъ, большой или маленькой, онъ и продастъ тутъ одинъ лоскутъ, а прочихъ и не показывать; да на тѣ деньги купить хлѣба и чего нужно, накормить меня. Видѣвши, что я устаю и ему тяжело меня нести, онъ досталъ изъ лохмотья денегъ и въ одномъ городѣ купилъ телѣгу и вотъ эту лошадь что насъ привезла къ вамъ. А знаете какая она лѣнивая? Насилу везла насъ.

Вотъ мы долго ѣхали — и что же дѣлалъ Агафонъ? Какъ пріѣхали гдѣ уже Нѣмцевъ нѣтъ, а все Русскіе и всякіе люди, тутъ онъ какъ повстрѣчается съ ѣдущими или идущими что много народу, а особливо солдатъ, тутъ онъ соскочить съ телѣги, да и начнетъ просить милостыни, да такъ жалко, что я хохочу себѣ тихонько. Намъ же никто ничего не давалъ. «Нужды нѣтъ — говоритъ бывало Агафонъ: —» пусть и не даютъ ничего, да думаютъ, что мы бѣдные, да только бы насъ не ограбили и не взяли бы твоего сокровища.»

«Долго мы ѣхали и мнѣ очень наскучило. Все думаю: когда мы пріѣдемъ въ этотъ далекій Кіевъ и я увижу батюшку и Гришу? Сколько расскажу брату диковинокъ, что видѣлъ по дорогѣ?»

«Уже Агафонъ говорилъ, что скоро пріѣдемъ въ Кіевъ, какъ онъ и заболѣлъ!... Черезъ силу бывало впряжеть лошадь и взлѣзетъ въ телегу, а правлю все больше я. Я выучился править и знаю, куда на право и на лѣво поворотить. А вотъ уже послѣдною ночь, не далеко отъ этого Кіева, такъ Агафонъ не могъ и съ мѣста встать. Хозяинъ его уложилъ и лошадь намъ запрягъ, мы и поѣхали. Въѣхали въ Кіевъ, Агафонъ мнѣ и говорить: «Ге-

перь, Андрюша, куда тебѣ Богъ укажетъ, туда и просись во дворъ, а я не могу слова вымолвить.» Вотъ я ѣду улицую, гдѣ мнѣ понравится, я слѣзу съ телеги, ударю въ кольцо, выйдутъ, спросятъ и узнавши, что больной старикъ и бѣдный мальчикъ, запрутъ калитку и хотъ разстучись, будто и не слышитъ никто. Такъ я провезъ Агафона долго, ни гдѣ не пропустили, насилу вотъ уже вы приняли насъ.»

Такъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пересказывалъ маленькій Андрей по частямъ свою исторію. Въ разсказъ свой онъ вмѣшивалъ много словъ нѣмецкихъ или русскія коверкалъ на нѣмецкій ладъ; изъ чего можно было ясно видѣть, что онъ во все время былъ съ Нѣмцами. Родился въ Ригѣ, какъ сказано на крестѣ — разсуждалъ панъ Ясенковскій, такъ оно и немудрено. Скажи ты мнѣ, какъ Агафонъ называлъ тебя по отчеству или какъ звали батюшку твоего? Почему же на крестѣ написано какъ будто Афанасіемъ? «А кто его знаетъ. Батюшку иначе не звали какъ бояринъ, а меня Андрюшею, а бумаги нужныя для меня, Агафонъ, въ болѣзни потерялъ.» — Думаю такъ и написать его «Афанасіевымъ» сходно съ надписью на крестѣ. — Какъ думаете?» спросилъ панъ у своей жены.

— За чѣмъ такое прозваніе давать? — сказала тутъ же бывшая на советѣ дочь ихъ, принимавшая большое участіе въ маленькомъ Андрѣ: то имя отца его, а хлопчикъ такімъ гарный, дуже красивый, я уже прозвала его Квиткою (*). Именно якъ квитка. —

«Ну, ладно. Пусть будетъ Андрей Афанасьевичъ Квитка, пока отыщется его отецъ.... А гдѣ и какъ мнѣ его оты-

(*) Цвѣтокъ.

скивать? Спросить, сказывалъ Агафонъ умирая, въ Лаврѣ у отца, а у какого? Кто его знаетъ, не сказалъ. Мало-ли тамъ отецъ!»

Принимая, однако же, большое участіе въ судьбѣ маленькаго Андрея, пошелъ въ Лавру, но ни отъ кого не могъ ничего узнать. Если бы кто изъ монашествующихъ и имѣлъ сношенія съ русскимъ бояриномъ, хотя бы и опальнымъ, изгнаннымъ изъ отечества, а потому и сношенія тайныя, открылъ-ли бы онъ челоѣку постороннему, да еще и кіевлянину, быть можетъ подосланному отъ польскаго начальства вывѣдать о мѣстопробываніи изгнанника. — И потому, панъ Ясенковскій ничего не узналъ отъ лаврскихъ монаховъ. Далѣе разыскивать не было никакого повода.

«Нечего дѣлать, — размысливши все, панъ Ясенковскій сказалъ: — «объявлю Воеводѣ, но поступлю осторожно, не открою всего. И безъ поляка Богъ сироту взыщеть.»

«Добреже! — сказалъ пузатый Воевода, выслушавшій отъ пана Ясенковскаго, что маленькаго Андрея, привезъ къ нему во дворъ какой-то старикъ изъ Риги и вскорѣ умеръ, объявивъ, что Андрей урожденный московскій шляхтичъ и что отецъ его скоро пріѣдетъ за нимъ; о дальнѣйшихъ подробностяхъ, онъ рѣшился умолчать. «Добреже. Нехъ хлопецъ zostаетъ при моей яснѣйшей особѣ. Подай его сюда.»

«Гарный хлопецъ! — сказалъ Воевода, увидѣвъ введеннаго къ нему Андрея. — Якъ кличуть его!»

— Андрей, а прозваніе неизвѣстно. За пригожество его, мы назвали его Квиткою, бо точный цвѣтокъ. — сказалъ панъ Ясенковскій.

«Добрже, нехъ бендзе Квитка. Буде у мене гарный ловчій.»

— Докладаль есмь яснѣйшему пану Воеводѣ, что онъ прирожденный шляхтичъ —

«Шляхтичъ, — вскрикнулъ Воевода, — «то Московскій шляхтичъ, а поляцкій кепъ. Мамъ такихъ шляхтичей десентками при коняхъ, при псахъ.»

Прискорбно было пану Ясенковскому оставлять Андрея въ такихъ рукахъ, но иначе не возможно было; утаить предъ Воеводою о привозѣ мальчика онъ, по тогдашнему порядку, не долженъ былъ, власть Воеводы во всемъ была неограниченна. При томъ же, думалъ онъ, отецъ Андреевъ прибывъ въ Кіевъ, скорѣ всего у Воеводы будетъ стараться узнать о сынѣ своемъ.

Маленькій Андрей, за ловкость и понятливость свою, точно поступилъ бы въ псари яснѣйшаго Воеводы Кіевскаго, и какая была бы участь его?!

Но Промыслъ, пекущійся о всѣхъ, и еще болѣе о спротахъ ведетъ ихъ къ счастью неиспытанными для насъ судьбами! — Воевода разсудилъ похвалиться о найденномъ хлопцѣ коханой своей супругѣ, а она была русская, урожденная кіевлянка.

Немудрено, что щирый полякъ и Воевода кіевскій женился на Русской; достоинства дѣвушки заглушили въ немъ національную антипатію противъ москалей и всего рода ихъ; ему также не было нужды, что она была иновѣрка и не уважала его ксендзовъ: «нехъ молится, якъ хце, жеби тилко кохала мене.» Но странно то, что русская, урожденная шляхтянка, правовѣрная, вышла за мужъ за еретика, католика, нечестивца....! — Бѣдность, обстоятель-

ства, власть родителей, до чего иногда доводятъ беззащитныхъ дѣвушекъ?!—но пани воеводова умомъ и красотою своею, умѣла взять верхъ надъ супругомъ своимъ и, хотя рѣдко, только уже при необыкновенномъ случаѣ, вмѣшиваясь въ управленіе города и области, удерживала Воеводу отъ притѣсненій русскихъ, которыхъ онъ готовъ былъ и безвинно угнетать. Не многого труда стоило ей вытребовать, чтобы дочь ея, Марья, была окрещена и воспитана въ Греческомъ законѣ. «Якъ себѣ хцешъ!» говорилъ Воевода:—Ксенздъ, попъ, все-то есть едино. Тилко и лепско у насъ, что органы. Кеди заиграють, меня клонить ко сну; а съ вашими дяками, якъ заспѣвають, такъ и недумай въ церквѣ вашей вздремать.»

Такъ она-то, пани воеводова, когда привели къ ней Андрея потребовала чтобы оставить его при ней для услуги и потѣхи трехлѣтней Маси. Воевода махнулъ рукою и сказалъ свое обычное: «Якъ хцешъ.» поѣхалъ на *полеванье*.

Пани воеводова полюбила маленькаго Андрея, не отпускала его отъ себя и ласкала его одинаково съ своею Масею. Андрей чувствовалъ все это, былъ кротокъ, смиренъ, почтителенъ къ пани воеводовой, а отъ Маси не отходилъ. Скоро дѣвочка ни съ кѣмъ не хотѣла играть болѣе, какъ съ Квиткою, съ нимъ была неразлучна цѣлый день, играла, бѣгала; рѣзвилася, ѣла все съ нимъ, и не засыпала иначе какъ подъ его ласки и рассказы. Она и всѣ въ домѣ, иначе не звали его, какъ «Квитка.»

Ласкаясь къ пани воеводовой, почти всегда просилъ маленькій Квитка приказать развѣдать не пріѣхалъ ли въ Кіевъ отецъ его съ Гришею, какъ обѣщалъ умершему Агафону. Съ начала она оставляла такія просьбы его безъ

вниманія, но наконецъ любопытство заставило ее развѣдать о всемъ касающемся къ нему по обстоятельству. Пригласивъ пана Ясенковского, распросила о всемъ въ подробности, выслушала разсказъ любимца своего, осмотрѣла со вниманіемъ крестъ на немъ и утвердилась въ мысли, что Андрей сынъ Боярина Московскаго, впавшаго въ опалу, конечно въ грозное правленіе Іоанна, или гонимаго Годуновымъ, бѣжавшаго къ Литовцамъ, тамъ женившася и имѣвшаго сына, этого Андрея и другаго Григорія, какъ разсказывалъ Андрей. Но прозваніе Боярина старикъ не успѣлъ объяснить, а изъ надписи на крестъ понять во все не можно было. Онъ обѣщался пріѣхать въ Кіевъ и отыскать сына: но какъ онъ отыщетъ его и какъ развѣдать о пріѣздѣ челоуѣка, скрывающаго званіе и имя свое? — «Да будетъ надъ сиротою воля Божія! — заключила она: —» по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, я, по возможности моей, такъ буду вести его.»

Замѣтивъ въ Квиткѣ умъ и способности, она поручила его извѣстному ученому мужу, обучать его правиламъ Вѣры и что нужно знать благородному челоуѣку, и онъ учился прилежно, успѣхи видимы были къ обрадованію пани воеводовой. Сколько же стоило малюткѣ Масѣ слезъ въ первые дни, когда она должна была отпустить по утрамъ своего Квитку къ учителю! Далѣе хотя и не плакала уже, но все съ большою грустью провожала, тосковала цѣлый день и бросивъ всѣ свои занятія, къ вечеру выбѣгала изъ дому и нетерпѣливо ожидала прихода своего товарища въ играхъ. Квитка приходилъ всегда къ ночи домой.

По привязанности пани воеводовой къ Квиткѣ, она сблизилась съ семействомъ пана Ясенковского и дочь ихъ, Со-

фію, часто оставляла гостить у себя. Софія утѣшалась успѣхами въ наукахъ и въ образованіи Квитки, тщеславилась, что она, сама она, придумала ему такое приличное прозваніе, признанное всѣми и усвоенное ему. Съ одинаковымъ жаромъ она принимала участіе во всемъ касающемся любимца ея.

Такъ все шло, да шло. Квитка учился, выросъ и сталъ юношею умнымъ, скромнымъ, ловкимъ, образованнымъ и — красивымъ. Мася играла, рѣзвилась, росла и стала дѣвицею умненькою, скромною, ловкою и — миленькою. Они всегда были вмѣстѣ, съ дѣтства знали, что любятъ другъ друга и неповторяли о томъ, когда уже достигли тѣхъ лѣтъ, что и надобно было бы высказать все что было на сердцѣ у нихъ. Это не было для нихъ тайною. Но, кто-то, какъ будто шепнулъ имъ, что при Масѣ, при пани воеводовой и при другихъ людяхъ, надобно быть скромными — и они были скромны, говорили другъ съ другомъ свободно; а если и взглядывались, то очень просто; но лишь оставались вдвоемъ, не находили о чемъ говорить, только взявшись за руки, пожимали ихъ, смотрѣли одинъ другому въ глаза.... да какъ смотрѣли!.... и — только шептали: «Мася!.... Квитка!....» Но лишь только слышали шумъ, тотчасъ расходились, какъ будто и ничего. Больше не было никакихъ объясненій, клятвъ, увѣреній между ними, но твердо знали, что одинъ безъ другаго жить не можетъ.

Пани воеводова, хотя и нечитывала романовъ, но очень хорошо понимала, что можетъ выйти изъ такого свободного обращенія юноши съ дѣвицею, но она какъ будто и не примѣчала, да еще, ужъ когда говорить правду, такъ

чуть-ли и не желала такого союза. Она надѣялась, что когда-же нибудь, съ отца Квитки при перемѣнѣ правленія снимутъ опалу, возвратятъ ему его отчины; что онъ отыщетъ сына.... и тогда единственная радость ея, ея Маса, будетъ богата, знатна, счастлива и болѣе всего, не будетъ за какимъ нибудь полякомъ. Можно догадываться, что такъ думала и предполагала она, потому что когда дѣти, не замѣчая никого, говорили между собою полусловами, переглядывались полувзглядами, тогда мать съ довольною улыбкою посматривала на Софію, хотя и за мужемъ уже бывшую, но все часто гостившую у нея; потому, онъ, уединясь, говорили между собою что-то весело и съ удовольствіемъ поглядывали на *свичку дѣтей*.

Панъ Воевода озабоченъ былъ управленіемъ областію. Добрже кушалъ, много пилъ и сладко почивалъ, а до того, что дѣлалось въ домѣ, въ семействѣ, ему небыло нужды. «Кеби била здорова моя кохана пани и цурка, а далѣ нехъ дзябли озмутъ.»

«Маса! я долженъ ѣхать въ Москву.» сказалъ въ одинъ вечеръ Квитка, бывъ на одинъ съ нею и держа ее за руку; но сказалъ это такъ жалко, печально.....

—Въ Москву!...—вскрикнула она, какъ будто внезапно услышала страшный ударъ грома надъ собою. Оба блѣдные, трепещущіе держась за руки, не могутъ выговорить ни слова. Наконецъ Маса жалобно проговорила: возми и меня съ собою....

«Не могу, Маса!»

—Отъ чего-же?—

«Ты панна воеводовна, дочь гордаго, богатаго отца, а я кто?!...»

— Ты избранный мною, милѣе мнѣ всего свѣта, солнца, жизнь души моей, этого довольно для матери; а для моего отца, ты сынъ Московскаго Боярина. —

«Кто онъ, гдѣ онъ, — кто можетъ сказать? — Безъ рода, безъ племени, безъ имени....! Буду въ Москву, буду служить царю, заслужу вниманіе его, милость ко мнѣ. Онъ спроситъ, кто я, покажу ему крестъ.... признаютъ меня, отыщется отецъ.... тогда буду чѣмъ мнѣ быть должно, тогда прїѣду къ твоему отцу. Тогда, не краснѣя, могу сказать ему: панъ Воевода! отдай свою дочь за сына боярина московскаго.»

— А когда же это будетъ? —

«Мнѣ еще двадцать лѣтъ....покрайней мѣрѣ....лѣтъ чрезъ пять....»

— Я умру до того....! —

Долго они говорили другъ съ другомъ и не знали на что рѣшиться. Наконецъ Маша скрѣпя сердце, сказала дрожащимъ голосомъ: «Богъ съ тобою, мой милый, мой коханный Квитка! Повзжай съ Богомъ!... Я не умру безъ тебя...буду расти, учиться хозяйству... переживаютъ люди и цѣлый вѣкъ горя, а пять лѣтъ, и потомъ вѣчное счастье? — Готова терпѣть!...»

Пани Софія была повѣренною любови ихъ. И она одобрила намѣреніе Квитки. Нашла случай умножить маленькую сумму, сохраненную Агафономъ и послѣ смерти родителей ея, хранившуюся у нея, подала совѣты какъ дѣйствовать Андрею въ Москвѣ, обѣщала утѣшать Машу и вотъ....уже назначенъ былъ день тайнаго отъѣзда Квитки; пани Воеводова, будто ничего не подозрѣвая, болѣе и болѣе ласкала Квитку и, можетъ быть, не она ли вручила пани Софіѣ деньги, необходимыя для Квитки.

Послѣ непродолжительной болѣзни, умираетъ пани Воеводова. Положеніе нашихъ молодыхъ людей измѣнилось во всемъ. Они уже не только не бывають вмѣстѣ, но и не видятъ другъ—друга. «Пестунчика моей коханой жѣны возмѣть до псовъ; нехъ не вѣсть даромъ хлѣба, нехъ бенд-зе ловчій. Я устрою его счастье.» повелѣвалъ ясно — пугатый Воевода, и Квитка долженъ былъ переселиться изъ воеводскаго замка за-городъ, гдѣ помѣщена была вся охота пана Воеводы.

Онъ не остался бы и часа служить поляку, хотя и отцу своей Маси; онъ располагалъ въ ту же ночь оставить Кіевъ и пробраться въ Москву, но пани Софія умолила его остаться, переносить все для любви къ Масѣ и дожидаться, не поблагопріятствуетъ ли имъ случай къ достиженію ихъ цѣли.

Пани Софія умѣла войти къ Воеводѣ въ неограниченную довѣренность. Правду сказать, онъ еще и радъ былъ, что избавлялся отъ заботъ о своей *цуркѣ*: было кому раздѣлять съ нею время и имѣть о ней попеченіе. Потому-то, пани Софія часто гостила у Масы, а еще чаще брала ее къ себѣ и тамъ-то видѣлись любовники, разсуждали о своей будущности и ни на что не рѣшались.

Прибылъ въ Кіевъ изъ Кракова, какой-то знатный савонникъ, старикъ лѣтъ пятидесяти. Панъ—Воевода разсыпался предъ нимъ, угощалъ его, какъ могъ. Пану пріѣзжему понравилась Маса и за келюшкомъ венгерскаго положено на словъ: панну воеводовну выдать за пана пріѣзжаго; а какъ ему не можно было долго прожить въ Кіевѣ, то тен-часъ справить свадьбу. Спѣшили съ приготовленіями и таили все отъ Масы, думая внезапно обрабо-

вать ее такою блестящею долею. Но какъ скрыть въ многолюдной дворнѣ всѣ приготовленія и распоряженія къ такому празднеству! Маса, о своей долѣ узнала тотъ же часъ.... и упала на грудь пани Софіи, заливаясь слезами, спрашивала, что ей дѣлать?

Пани Софія приступила дѣйствовать рѣшительно. Нашла случай, подъ предлогомъ шитья платьевъ и прочаго къ свадьбѣ, оставить Масю у себя переночевать. Призвала Квитку, соединила руки ихъ, благословила и сказала: — Ты, Андрей, любимецъ мой съ перваго часа, когда Богъ привелъ тебя въ домъ нашъ, родители мои приняли тебя и я, давшая тебѣ прозваніе, обязана, вмѣсто ихъ, пешихъ о твоёмъ счастьи. Въ эту торжественную минуту объявляю вамъ, что мать Маси желала вашего союза и я, именемъ ея, благословляю васъ и вотъ мое порученіе. Масю наряди мальчикомъ и въ этотъ же вечеръ выйдете изъ Кіева; въ первомъ селеніи обвиняетесь; далѣе, да благословитъ Богъ путь вашъ и да будетъ надъ вами воля Его! Скрывайтесь, оставляйте большія, проѣзжія дороги, погоня будетъ за вами, но вы ее не ожидайте скоро. Въ эту же ночь, предъ разсвѣтомъ, изъ моего двора поскачетъ бричка съ двумя молодыми людьми по дорогѣ къ Вильнѣ. Тогда броситесь погоня и я беру на себя, что не скоро догонятъ мнимыхъ любовниковъ. Поймаютъ ушедшихъ и увидѣвъ обманъ, уже бросятся въ другія стороны, а вы съ помощію Божіею, будете далеко и вне власти раздраженнаго отца. Съ Богомъ. Начнемъ дѣйствовать.»

Той же ночи, въ Борисполѣ, верстъ тридцать пять отъ Кіева, къ разсвѣту, въ церкви теплился огонекъ и священникъ предъ олтаремъ призывалъ благословеніе Божіе

на рабовъ его — Андрея и Марію, нынѣ сочетавающихся другъ — другу.

Въ тоже время, въ Кіевѣ, пани Софія проснулася не обыкновенно рано. Вдругъ крикомъ своимъ перебудила дворню.... ужась объялъ всѣхъ!.... Панна воеводовна, расположившаяся ночевать у ней, не ложилась въ постель и нѣтъ ея въ домѣ. — Сундукъ пани Софін, гдѣ лежали деньги, лучшія вещи, платья, отпертъ и въ немъ не найдено ничего.... Съ Масею бѣжала Ульяна, самая ближайшая къ панѣ и самая довѣренная особа. Старикъ Оедоть, пользовавшійся особенною милостію панскою, также скрылся. Сдѣланъ всѣмъ допросъ. Пани Софія плакала, рыдала, падала въ обморокъ, заклинала открыть ей, если кто знаетъ, куда и съ кѣмъ бѣжала панна воеводовна.... Никто не могъ сказать ничего, никто ничего не замѣтилъ за панною.... Одна изъ прислужницъ, робѣя, призналась, что она подглядѣла, какъ подъѣхала ко двору ихъ бричка; изъ нея вышелъ панъ, не очень молодой и не такъ красивый; постучалъ въ окошко, гдѣ спала панна. Скоро она вышла, а за нею Оедоть и Ульяна съ узлами въ рукахъ, посадились и говорили между собою, что скоро будутъ въ Вильнѣ, тамъ и обвѣчаютъ.

Открывшую объ этомъ, какъ знавшую про уходъ панны и необъявившую тотъ-часъ своей панѣ, тутъ же, въ наказаніе, отправили въ дальнюю деревню.... Пани Софія, послѣ нѣсколькихъ обмороковъ, едва собралась съ духомъ и силами явиться къ пану Воеводѣ и объявить ему о случившейся бѣдѣ,.....

«Что то за причина? — говорилъ толстопузый панъ Воевода, зѣвая и протирая заспанные глаза, чтобы лучше

удостовериться, точно ли онъ видитъ предъ собою паню Софію. — «Что то за причина, кеди пани Софія такъ рано пожелала видѣть мою яснѣйшую особу?»

Рано? А это уже было къ полудню. Пани Софья за горемъ и безпокойствомъ не могла прежде прѣхать къ Воеводѣ. Онъ же проводя всю ночь съ нареченнымъ зятемъ, среди разныхъ медовъ и столѣтнимъ венгерскимъ, не примѣтилъ, что свалился на постель уже на разсвѣтъ; отъ того и полагалъ, что еще утро.

Пани Софія, съ слезами, вскрикиваніями, едва могла объяснить ему о случившемся несчастіи..... «Нехъ дзябли озмутъ и тебе съ твоими пропавшими деньгами! — заревѣлъ неистовымъ голосомъ Воевода: — «Подай мнѣ тещась мою цурку, мою Масю!.... гвалть!» кричалъ онъ въ безпамятствѣ, обрывая хохолъ свой и страшные усы.... Весь дворъ встрепенулся.... Большими отрядами послана погоня въ разныя стороны и все по направленію къ Вильнѣ.....

Яснѣйшій панъ Воевода съ горя и досады пилъ — и на бѣду свою одинъ: нареченный зять его не находя нужнымъ оставаться долѣе безъ невѣсты, увѣхалъ. Пани Софья заперлась у себя въ домѣ, сказавшись сильно больною. Дней черезъ пять привезли настигнутыхъ бѣглецовъ въ бричку.... Воевода приказывалъ тащить ихъ къ себѣ... остолбѣнѣлъ увидѣвши, что это со всѣмъ не цурка его, а просто бѣглецы обокравшіе барыню свою; о паннѣ воеводовнѣ же они во все ничего не знали.... Воеводѣ до того не было нужды и онъ, въ порывѣ гнѣва и досады, конечно приказалъ бы ихъ повѣсить, за чѣмъ нѣтъ съ ними дочери его; но пани Софья нашла средство умило-

стивить его и какъ все похищенное бѣглецами привезено въ цѣлости, то она выпросила виновныхъ себѣ, давъ обѣщаніе наказать ихъ строго, за такой злодѣйской умыслю. И пани Софья, чтобъ больше заставить Ульяну и Федота раскаиваться въ проступкѣ своемъ, жаловала и ласкала ихъ болѣе прежняго.

Извѣстно стало пану Воеводѣ, что въ ту же ночь, когда скрылась Маса, ловчій его, Андрей, бѣжалъ изъ Кіева, но куда? никто не зналъ. И самъ Воевода и всѣ окружающіе его положили навѣрное, что Андрей сманилъ панну воеводовну: онъ росъ съ нею, такъ и немудрено, что они кохались съ дѣтства, а видя, что ее отдають за нелюба, они рѣшились уйти, но куда? Никто не могъ сказать на вѣрное. Для этого составлялись цѣлыя отряды, чтобы бѣжать въ Малороссію и тамъ искать ихъ по дорогѣ въ Москву. Тщательно списывали ихъ примѣты, писали для нихъ пропускные виды, вписывали въ нихъ большія награды, кто схватитъ, откроетъ, задержитъ или представить бѣглецовъ.

Уже готовы были отряды съ полными и ясными препорученіями летѣть въ назначенныя имъ страны для поимки бѣжавшаго Андрея, увезшаго съ собою панну Воеводовну, какъ вотъ является Антонъ Муха, вѣрный рабъ и хлопъ яснѣйшаго пана Воеводы. Онъ съ молодыхъ лѣтъ былъ при Квиткѣ для прислуги, росъ вмѣстѣ съ нимъ и зналъ его тайны, но не смѣлъ никому открыть, потому что Андрей стубилъ бы его. Теперь же мучить его совѣсть, что онъ забылъ на время долгъ свой противъ такого милостиваго пана и отца, якъ есть вельможный панъ Воевода. Принося ему по-

винную голову, Муха чистосердечно открывалъ, что Андрей точно кохался съ панною; а чтобы она не досталась другому, убѣдилъ ее бѣжать съ собою.... Какъ они перерядились, то я уже знаю и вездѣ могу ихъ открыть. Путь же свой направили они къ Кракову и Андрей располагалъ найти случай представиться наяснѣйшему пану Крулю и просить у него ходатайства предъ прогнѣваннымъ паномъ Воеводою и защиты отъ Русскаго Царя. Теперь, продолжалъ Муха, кеди панъ Воевода хце, я возму не большой отрядъ и, какъ знаю, на какіе мѣста бѣжавшія пробираются, то скоро настигну ихъ и Андрея съ панною представлю яснѣйшему пану Воеводѣ, а не то, нехъ глава моя бендзе на плахѣ.»

Воевода обрадовался предложенію Мухи, уничтожилъ прежнія распоряженія и обѣщавъ Мухѣ неимовѣрныя награжденія, отпустилъ его самъ-пятого, съ избранными самимъ Мухою товарищами. Только же Воевода ихъ и видѣлъ!....

Когда все это происходило въ Кіевѣ, Андрей и Маса, обвинчавшіеся въ Борисполь, продолжали путь свой благополучно. Маса была переодѣта мальчикомъ, оба они были въ простомъ крестьянскомъ платьѣ. Сказывались о себѣ различно, гдѣ, какъ требовали обстоятельства. Хотя и непримѣтно было, чтобы гдѣ ихъ подозрѣвали по преслѣдованіямъ изъ Кіева, но изъ предосторожности, Андрей путалъ свой путь: проходилъ нѣсколько прямо, потомъ бралъ въ сторону, обходилъ кругомъ и опять возвращался на прежнюю дорогу, и къ великому обрадованію своему

узнавалъ, что отъ Воеводы кievскаго несмыслино никакихъ преслѣдованій. Онъ сказывался вездѣ родомъ изъ Украины, сиротою, пустившимся съ братомъ на заработокъ, пока сыщется добрый и надежный чело­вѣкъ, что пріиметь ихъ на всегда.

Гдѣ онъ увѣренъ былъ въ совершенной безопасности, тамъ останавливался на нѣсколько дней, чтобъ его милая Маса отдохнула послѣ долгаго пути. Его планъ былъ пробраться, какъ ни есть, въ пограничный русскій городъ и тамъ объявить о себѣ. Онъ никакъ не забылъ взять съ собою золотой цѣпи и описанія о пріѣздѣ его въ Кіевъ, сдѣланномъ паномъ Ясенковскимъ и духовникомъ, напутствовавшимъ Агафона. Кресть же былъ всегда на немъ. По этому онъ надѣялся, что русскіе признаютъ его за земляка, доставятъ случай быть въ Москвѣ, предстать предъ Царя; ему помогутъ отыскать родъ свой, имя, имѣніе; а если Богъ благословитъ, что отецъ и братъ его живы и онъ отыщетъ ихъ, тогда.... съ Массею, съ родными.... кто будетъ счастливѣе его!....

Пробираясь такимъ образомъ, уже пришли они въ селеніе Гадяцкаго полка. Зима приближалась, надобно было пріискать безопасное убѣжище. Удалось Андрею найти хуторъ въ отдаленіи отъ сотенныхъ мѣстечекъ и большой дороги. Семьи три козаковъ, не обязанныхъ уже службою и никакими повинностями по полку, проживали здѣсь себѣ покойно. Къ нимъ присталъ Андрей съ *братомъ*, работалъ за себя и за него. Нужда пріучила его ко всему. Онъ былъ силенъ, бодръ, свѣжъ, а какъ Маса отнюдь не тяготилась такою жизнію и не тужила ни о чемъ, то онъ весельчакъ, балагуръ, цѣль своимъ хозяевамъ разныя пѣс-

ни, былъ ими любимъ и всѣми называемъ былъ: «парень друзяка.»

Въ одинъ осенній вечеръ, Андрей возвратясь съ работы, отогрѣвался сидя на печкѣ, Маса своими руками растирала его окоченѣвшіе пальцы, говорила, мечтала о будущемъ.... какъ вотъ слышать за дверью, въ сѣняхъ, голоса незнакомыхъ имъ людей....

«Пустите насъ, сдѣлайте милость, хоть только подивиться на нихъ.—Кричалъ одинъ изъ незнакомыхъ и слышно было, что силится отворить дверь, удерживаемую хозяиномъ. «Я ихъ знаю; когда не они, то и Богъ съ вами! Мы себѣ и пойдѣмъ далѣе.»

Маса помертвѣла.... Андрей схватилъ топоръ и бросился къ двери.... но уже вошли четыре челоѣка вооруженные по козацки....

Андрей располагалъ защищать Масю до послѣдней крайности, взмахнулъ топоромъ.... Но сильная рука удержала его....

«Богъ съ вами....Богъ съ вами; что это вы, пане, дѣлаете?....Вы меня не узнали?—Дайте свѣтло поближе. Я же вашъ вѣрный Муха....»

—Муха! Это ты?—проговорилъ Андрей изумясь такой встрѣчѣ, но все не выпуская изъ рукъ топора.—За чѣмъ ты здѣсь? и это кто?....спрашивалъ Андрей, съ недоѣрчивостію поглядывая на скромно стоящихъ товарищей Мухи.

«Я искалъ васъ по всей Малороссіи, — сказалъ Муха и уловивъ руку Андрееву, поцѣловалъ нѣсколько разъ.—» Благодарю Бога, нашелъ васъ сверхъ ожиданія и что вы здоровы. А это мои вѣрные товарищи, поклявшіеся мнѣ,

вмѣстѣ со мною отыскать васъ и никогда не отставать отъ васъ. Куда иголочка, туда и ниточка. А гдѣжь панка.... а може вже и пани? Покажите намъ ее, паду до ножки и поцѣлую полу платья ея. Покажите, возвеселите насъ за нашу турбацію.»

Андрей хорошо зналъ честность Мухи и почти готовъ былъ вѣрится ему, но товарищи его и въ такомъ числѣ, приводили его въ смущеніе. «Муха, Муха! — сказалъ онъ: —» смотри, не предатель-ли ты?»

— Охъ, Боже мой! — вскричалъ Муха, колотя себя жистымъ кулакомъ въ грудь: — и это о Мухѣ такъ думаютъ? И о товарищахъ, которыхъ онъ самъ выбралъ и прошелъ съ ними сквозь огонь и воду; готовъ былъ на все, что бы только отыскать своихъ коханныхъ паныча съ панянкою, милыхъ, не наглядныхъ Квитокъ. Хлопцы! — сказалъ онъ товарищамъ: — «намъ не вѣрять. На присягу!»

Мигомъ одинъ изъ пришедшихъ бросился изъ хаты и принесъ въ шапкѣ земли. Другой, сотворивъ крестное знаменіе, всталъ на лавку, снялъ со стѣны образъ Спасителя и съ благоговѣніемъ положилъ его на столъ. По знаку Мухи, всѣ положили по три земныхъ поклона и стали на колѣна. Тутъ Муха началъ произносить страшную клятву; прочіе повторяли за нимъ, призывая всѣ казни Божія на себя и весь родъ свой, если они не будутъ шановать пану Квитку, какъ есть прирожденного своего господина и повелителя. Если случится ему и паннѣ его какая бѣда, полагти имъ всѣмъ, живота, последней капли крови не пощадить, защищать ихъ и не допустить врагамъ ихъ сдѣлать имъ какое насиліе.... и проч. и проч.

Сказавши общій аминь, цѣловали они Образъ и потомъ

каждый изъ нихъ, взявши по горсти земли и сказавши: «земля не потерпитъ клятвопреступнаго!» съѣли ее и бросились къ Андрею цѣловать руки, помы платя его.... Андрей былъ растроганъ, орошенные слезами глаза возвелъ къ Богу, въ сердце своемъ благодарилъ Его промыслъ, что сохранилъ его, сироту, безвѣстнаго, безроднаго, одного съ женою скитающагося безъ пристанища, безъ надежды гдѣ-либо найти спокойствіе. Въ такомъ горестномъ положеніи, Богъ послалъ ему пятерыхъ защитниковъ, помощниковъ, друзей!... Онъ обнялъ каждого и самъ что-то хотѣлъ сказать, но Муха вскрикнулъ: — «Сего мало. Давай намъ панну воеводовну!....»

— Ее нѣтъ со мною, — сказалъ Андрей, сводя съ печи свою Масю, уже успокоившуюся отъ сильнаго страха. — А вотъ моя жена! —

«Панна наша!... Мати наша!... Да якій же гарный зъ неи хлопчикъ!... Многая лѣта вамъ, паны наши!... Живите счастливо и любите насъ. —» Такъ кричали товарищи Мухи, а онъ схвативъ на руки свою панно, приподнялъ ее къ верху, а козаки цѣловали ноги ея....

Никто изъ козаковъ живущихъ на хуторъ не зналъ, что происходило въ хатѣ Андрея. Онъ нанялъ ее собствен-но для себя съ братомъ и потому могъ свободно, по своей волѣ, угостить товарищей своихъ и свободно говорить съ ними, не опасаясь, что бы кто подслушалъ или подгля-дѣлъ за ними.

Начались разспросы, что происходило въ Кіевѣ по уходѣ ихъ; какъ пани Софья знатно одурила яснѣйшаго пана воеводу и сбила его съ панталыку, заставивъ его посы-лать погоню чортъ знаетъ куда и чортъ знаетъ за кѣмъ.

Вражескихъ отрядовъ.

Какъ потомъ уже онъ, Муха, по всегдашней привязанности своей къ бывшему паньчу Квиткѣ, смелъ свою басню и готовую погоню удержавъ, вызвался самъ ѣхать и обѣщался непременно схватить бѣглецовъ и представить ихъ Воеводѣ.

«Вотъ для этого случая, государь мой любезный! — такъ пересказывалъ Муха: —» я выбрать-выбралъ самыхъ моихъ вѣрнѣйшихъ пріятелей. Мы всѣ пятеро, были какъ пять пальцевъ на рукѣ. Вы, паньчу. . . или извините, пане; вы ихъ и не знали, но по прошенію моему у васъ, замолвить — заговляти иногда слово у пани воеводовой. Не хай надъ ней земля перомъ! . . . а та, какъ имѣла власть и силу надъ ихъ ясновельможностію, такъ и выкрутить-выкручивала изъ бѣды. Вотъ съ того часу они и стать-стали вамъ вѣрнѣйшими слугами и съ радостию собратся-собрались со мною за вами, яко бы въ погоню.

«Пожалуйте-же. Вотъ, какъ мы выѣхать-выѣхали изъ Кіева, то и назначили себѣ, воротясь всякій себѣ выбранною дорогою, съѣхать-съѣхаться уже назадъ въ Переяславль. Намъ крѣпко обридло умничаніе надъ нами Лиховъ, и какъ мы себѣ безсемейные, то мы и положили искать мѣста, гдѣ будетъ намъ лучше: коли наѣхать-наѣдемъ васъ, то съ вами хоть въ самую Москву; а не стрѣтимъ васъ, остаться, гдѣ Богъ приведетъ, у москалей. И такъ-то, послать-пославши, за глаза, ясновельможному пану Воеводѣ кіевскому отъ каждого изъ насъ, по *крученой дуль*, пуститься-пустились въ свой путь.

«Съѣхавшись въ Переяславль и неотыскавши слѣдовъ вашихъ, мы пуститься-пустились такою же хитростию, всегда назначая собираться въ полковомъ городѣ. Соби-

раться — собирались, но про васъ нигдѣ ничего слышать не слыхали. Мудро вы замотали свой слѣдъ. Въ Ромнѣ, мы сошлись съ знакомымъ парнемъ, также пустившемся изъ Кіева на Божій свѣтъ и на вольную свободу. Мы будто ничего незнаемъ, да и выпросили все, что намъ нужно.

«Знаете-ли, господа мои любезные, что тамъ случиться — случилось. Панъ воевода взять — взялъ себѣ другую жену, а про васъ, пани, сказать — сказалъ:» Кеди затопила свою главу за москалемъ, нехъ пропада; бендзе маяць зъ млодою коханкою лѣпшихъ цурокъ нежъ она была. «Тутъ мы уже пойтить — пошли свободнѣе. Нигдѣ о васъ не слышали, да вотъ въ ближнемъ хуторѣ, что-то намъ помаячить — помаячило, какъ будто что-то сдавалось на васъ. Какъ вотъ и далъ намъ Богъ васъ найтить — найти.»

Угостивъ, сколько могъ, Андрей гостей своихъ, все однакожъ признавъ нужнымъ брать всѣ предосторожности; для этаго онъ распорядился, чтобы каждый изъ пришедшихъ расположился бы зимовать въ особомъ сотенномъ селеніи, все по пути въ *Роменъ*; и чтобы каждый замѣтивъ что опасное для нихъ, давалъ бы знать близъ живущему товарищу; и такимъ образомъ о всякой опасности Андрей былъ бы извѣщаемъ за благовременно и успѣвалъ бы брать всѣ предосторожности.

Но всѣ ихъ распоряженія были напрасны. Андрей съ женою провели зиму весьма покойно; а чуть лишь вскрылась весна и устроились переправы чрезъ большія рѣки, они пустились въ дальнѣйшій путь на Бѣлгородъ. Муха съ товарищами, запасшись добрыми конями и надежными *пистоллями*, препровождали повозку, въ которой ѣхала

ихъ молодая пани. По причинѣ ея положенія, переезды были не велики. Все шло благополучно.

Уже караванъ нашъ, впрочемъ всегда удалявшійся отъ большихъ дорогъ и значущихъ селеній, переправился чрезъ рѣку Ворсклу, какъ путешественники начали замѣчать, что ихъ преслѣдуютъ и наблюдаютъ за ними. Вчера и сегодня, одинъ и тотъ же человѣкъ нагонитъ ихъ, присматривается къ нимъ, поскачетъ впередъ, взѣдетъ на курганъ, выглядываетъ кого-то и скроется; немного времени спустя, опять покажется и все тоже, да тоже. Немедленно составленъ былъ совѣтъ. Маса и слышать не хотѣла, что бы преслѣдовать соглядатая; ужасалась также, если нападутъ на нихъ и должно будетъ ея Андрею защищать ее и себя. Въ такой крайности рѣшились, оставя всѣ дороги, ѣхать прямо, по догадкамъ, гдѣ долженъ находится Бѣлгородъ или другой какой изъ вновь построенныхъ, по линіи, городовъ, о чемъ они все знали отъ бывшихъ на новой линіи людей. Для большаго удобства къ достиженію цѣли, ѣхать ночью, по звѣздамъ, а днемъ скрываться въ лѣсахъ. Муха взялся быть вожатымъ. Призвавъ Бога въ помощь, пустились въ путь по такой необыкновенной дорогѣ.

Они большею частію все шли пѣшкомъ, ведя въ рукахъ коней своихъ; одна Маса, отъ возрастающей слабости въ ея положеніи ѣхала на телѣгѣ, но лишь путь становился хоть мало безпокоенъ, мужъ бралъ ее на руки и несъ со всею осторожностію, пока встрѣчалось ровное мѣсто; — проходимыя ими мѣста были во все не обитаемы; — степь, лѣса, рѣки, пески, попадавшіеся на пути озера, болота, иногда темная ночь, все это за-

трудняло путь ихъ и педозволяло имъ утѣшиться мыслію, что они скоро найдутъ жилище.

Въ одинъ день и именно 24 Іюня, въ праздникъ рож-
дства Крестителя, караванъ нашъ къ утру, переправясь
чрезъ рѣчку, расположился отдыхать въ тѣнистой бере-
зовой рощѣ, окруженной дикими черешневыми вишневыми
садами; въпереди, къ востоку, шла ровная степь, на пра-
во за рѣкою густой, сосновый боръ, мѣсто дикое, едвали
когда проходимое человекомъ, но положеніемъ своимъ и
окружными видами, манящее къ отдыху; — тутъ Маса,
прійди въ совершенную слабость и изнеможеніе, рѣши-
тельно объявила Андрею, что она далѣе неможетъ ѣхать
и располагаетъ, чтобы ни случилось съ нею, здѣсь ожи-
дать рѣшенія своей участи.

Встревоженный Андрей немедленно приступилъ къ распо-
ряженію. *Въ тотъ же день, на скоро сплели изъ вытвей
шалашъ* (первое поселеніе), покрывъ его листьями, тра-
вою, въ-близі найденнымъ камышемъ и въ немъ помѣстили
слабую Масю. Потомъ Муха, съ тремя товарищами, ускакали
на коняхъ впередъ въ разныя стороны, съ тѣмъ, что если кто
изъ нихъ найдетъ какое селеніе и не въ дальнемъ разсто-
яніи, туда на рукахъ перенести Масю; но если селеніе
будетъ отдалено и Масю доставить туда къ вечеру бу-
детъ не возможно, то изъ селенія пригласить женщину,
не обходимую въ такомъ случаѣ и хотя бы уже сколько
нибудь понимающую дѣло, для коего она будетъ призва-
на, и поспѣшнѣ привести ее къ страждущей.

Къ вечеру изъ посланныхъ никто не возвратился, но
и Маса казалась такъ покойна, что Андрей, успокоясь ду-
хомъ, ходилъ въ окрестностяхъ этой рощи, любовался мѣ-

стоположеніемъ, отыскалъ двѣ рѣки, кои соединясь вмѣстѣ, составляли одну, протекавшую близъ того мѣста, гдѣ они основали временное свое пребываніе. Какъ же еще и утромъ посланные не возвращались, то Андрей удостовѣрился, что въ близи нѣтъ никакого селенія, а потому, по причинѣ Масинаго положенія, они должны будутъ остаться здѣсь на нѣсколько дней.... Къ удивленію своему, онъ нашелъ, что эта мысль неогорчила его; на противъ, ему казалось, что если бы онъ и долженъ былъ когда-либо оставить это мѣсто, то ему было бы грустно....

На другое утро онъ былъ погруженъ въ размышленія о чемъ-то и все ходилъ въ окрестности. Положеніе Маси его не тревожило; она была покойна, бодра и до того крѣпка, что безъ всякаго отягощенія готовила сама обѣдь изъ рыбы, которую наловить въ ближней рѣкѣ, умудрился оставшійся спутникъ ихъ.

«О чемъ ты такъ задумываешься, мой милый Квитка?—спросила Маса ласкаясь къ мужу: —» Все ходишь одинъ и все разсматриваешь по сторонамъ. Здѣсь мы въ совершенной безопасности. Если тревожишься обо мнѣ, то напрасно: я уже такъ отдохнула и укрѣпилась, что если бы воротился Муха съ товарищами, то я могла бы пуститься въ дальнѣйшій путь. Однако скажу тебѣ.... если бы не мое положеніе, я бы не вышла отсюда; такъ хорошо здѣсь.»

Андрей поцѣловалъ жену и сказалъ: — Какъ ты утѣшила меня, не оцѣненная Маничка!.... Далъ бы Богъ возвратиться товарищамъ съ чѣмъ нужно, тутъ я что-то вамъ предложу.

Поздно къ вечеру изъ посланныхъ прежде всѣхъ воро-

тился Муха. Ему посчастливилось какъ-то напасть на городокъ, т. е. на большое пространство обнесенное чисто-коломъ, съ неглубокимъ рвомъ, выстроенный еще при Царь Иоаннъ Васильевичъ, для наблюденія за движеніями Татаръ, иногда внезапно нападавшихъ на пограничные города Россіи. Городокъ этотъ былъ при рѣкѣ Донцѣ, назывался Чугуевъ и въ немъ обитали нѣсколько стрѣльцовъ и дворянъ низшей степени, такъ называемыхъ «Боярскихъ дѣтей» съ семействами. Они, прослужа сдѣсь уреченное для нихъ время и дождавшись смѣны, возвращались на прежнее жилище въ Москву.

Въ Чугуевѣ Муха былъ принятъ радушно и лишь объявилъ кто онъ, что и для чего нужно ему, какъ тутъ же одна изъ жонъ стрѣльцовъ, предложила свои услуги и вызвалась ѣхать для помощи больной. Разказала о многочисленной и всегда удачной практикѣ своей, что она и по Москвѣ между своими славилась ловкостію, умѣніемъ, а больше счастіемъ въ *этомъ дѣлѣ*. Сборы были не долги. Оедосья Кузмининшна, такъ звали акушерку, пригласила съ собою «для потѣхи барыни» дѣвушку, дочь одного «изъ боярскихъ дѣтей», и забравъ что нужно было по ея ремеслу, покатила съ Мухой припѣваячи и балагурия во всю дорогу.

Не съ одною Оедосьею Кузмининшною въ Чугуевъ познакомился нашъ Муха. Онъ нашелъ тамъ священника, условился съ нимъ, какъ поступать, когда Богъ пошлетъ радость пану Квиткѣ; приговорилъ ѣхать съ собою одного промышленника, взглянуть на ихъ кочевье, разсчитать что нужно для вновь прибывшихъ. Что значить для русскаго промышленника какихъ нибудь тридцать верстъ разстоя-

нія, хотя бы и дикою, непроходимого степью? И вотъ онъ на тройкѣ лихихъ коней слѣдовалъ за Мухой, везя, на всякій случай, кое-чего изъ съѣстнаго.

Пріѣздъ Мухи съ кѣмъ нужно было оживилъ Андрея, а возвращеніе утромъ и другихъ посыланныхъ, совершенно успокоило его. Товарищи Мухи не такъ были счастливы какъ онъ. Хотя они и находили людей, но это были или пикеты Чугуевской команды, или какіе-либо блуждающіе въ степи люди, имѣющіа свои занятія, свой промыселъ, и съ которыми посланные не нашли за нужное сближаться.

Кузминишна безъ дальнихъ церемоній, прямо отнеслась къ Масѣ, заласкала, заговорила ее. «Эка, наливное мое яблочко! — такъ начала она... —» стосковалось, струснулось тебѣ. Небойся, не робѣй. Пріѣхала Федосья да еще Кузминишна, она поворотитъ дѣломъ. Поотдохни послѣ дальней пути — дорожки, погуляй въ такомъ привольѣ. Я съ своими сказками, да съ прибаутками, а Настя съ стряпнею да съ услугою, да мы не дадимъ молодой бояринѣ и соскучить-га. Пусть твой молодецъ, что, видишь, гоголемъ ходитъ, что отбилъ у панскаго туза такую кралю, а и самъ, что твой маковъ цвѣтъ, пусть онъ ходитъ здѣсь по лѣсамъ, да настрѣливаетъ намъ къ празднику дичи, а мы за тѣмъ ему и положимъ махенькаго козачонка на руки, что твой херувимчикъ. А ты, панъ, поворачивайся у меня быстро. Живешь здѣсь на воеводствѣ, а гляжу, у тебя ни кола, ни двора, а опричь всего хозяйственнаго, многое и мнѣ нужно. Давай мнѣ своихъ чубовъ въ команду. Я за команду по бабѣ и у меня все родится вдругъ.»

И въ самомъ дѣлѣ у нея закипѣло дѣло. Смастерила покойный для Маси шалашъ съ сѣнцами, защитила его отъ вѣтра и непогоды, устроила кухню и все что нужно было для маленькаго поселенія. Пріѣхавшая съ Кузмининою дѣвушка стряпала и прислуживала Масѣ, Муха съ товарищами ловили рыбу, Андрей неотходилъ отъ жены и вмѣстѣ съ нею не видалъ какъ проходило время, слушая рассказы Кузминины про Москву, про всѣ бѣдствія, какія терпѣли тамъ при Самозванцахъ, при боярщинѣ безъ Царя и какъ Господь послалъ благодать свою на русскую землю, вручивъ ее Царю Михаилу Ѳедоровичу. Какъ теперь всѣ спокойны, какъ блаженствуютъ! — Какъ и она сама проживала въ Москвѣ, по какому случаю захала на край свѣта; какія страсти терпятъ они отъ Татаръ.... и неговори отъѣхать отъ города Чугуева ни за двѣ версты! неравенъ часъ набѣжить Татарва, гикнуть, арканъ на шею, очнешся либо въ татарщинѣ, либо ближе, на томъ свѣтѣ. Всѣ эти рассказы, доселѣ неслыханные нашими супругами, неизмѣнными никакого понятія о Москвѣ, очень много занимали ихъ, а пуще радовало Андрея, что Царь Московскій справедливъ, милостивъ, и жалостливъ къ народу.

Въ день Св. Апостола Петра и Павла, Андрей поговорилъ съ своею Машею, призвалъ къ себѣ Муху и товарищей его, благодарилъ ихъ за все усердіе, ему и жены его оказываемое и за вѣрность, съ какою они служили ему до сего часа. Разрѣшилъ ихъ отъ данной ими клятвы и предоставлялъ имъ на волю идти кто куда хочетъ. «Вы люди молодые, говорилъ онъ, вамъ надобно жить, пріискать средства какъ и чѣмъ жить. Не хотите бѣдствовать подъ игомъ Ляховъ? Идите къ Москвѣ; теперь уже дорога извѣстна.

Царь московскій по сердцу Божию, народъ свой милуетъ и Онъ прійметъ васъ подъ свою милостивую руку, и вы, по желанію вашему, поступите въ число дѣтей его. Не думайте, какъ оставить меня. Я и Маса рѣшились остаться здѣсь, что ни устроить Богъ съ нами. За чѣмъ теперь мнѣ, въ Москву. Что скажу я о себѣ, если бы и удостоился видѣть Царскія свѣтлыя очи? Я сынъ боярина московскаго; какого? не знаю ни имени, ни прозвища его, ни того, когда и по какому случаю оставилъ онъ Москву, живъ ли онъ и гдѣ находится? Не могутъ ли по справедливости счесть меня выдумщикомъ? Крестъ, что на мнѣ, ничего другаго не объясняетъ кромѣ того, что я Андрей, родился тогда-то, а отъ кого? Никто не объяснитъ надписи на крестѣ. Усумнясь въ словахъ моихъ, вездѣ отринуть меня. А если у моего отца, какъ у боярина, были значительныя отчины и помѣстья, и при опалѣ отданы другому, тогда владѣтели ихъ, опасаясь, чтобы я не сталъ отыскивать правъ своихъ, пойдутъ на все: меня, какъ обманщика по ихъ настоянію, закабалить въ лютыя руки. . . . Я, поклявшійся предъ Богомъ, доставить Масѣ спокойную и довольную жизнь, буду причиною вѣчныхъ страданій ея и семейства, конимъ Богъ благословляетъ меня. Каково будетъ, среди собственныя бѣдствій, видѣть и ея страданія! И такъ, обдумавъ съ нею все здраво, призвавъ Бога на помощь, рѣшились мы на всегда остаться здѣсь. Чтѣ намъ знатность рода, богатство, почести? Все суета! Оставляю на вѣкъ самую мысль, разыскивать о моемъ происхожденіи. Я вольный козакъ Андрей Квитка, какъ названъ призрѣвшими меня въ сиротствѣ. Буду жить здѣсь спокойно, будучи обязанъ хранить спокойство жены и

усроивать благо семейства, ужъ какой я слуга моему Государю? Наградить меня Богъ сыновьями, воспитаю ихъ, передамъ имъ все чувства мои и преданность къ Царю, представлю ихъ, не какъ потомковъ такого-то боярина, а какъ сыновей вольнаго челоуѣка. Укажу боярамъ на здѣшній край, передамъ имъ мысли мои, что благаго можно устроить здѣсь и стану покойно доживать вѣкъ въ этомъ уголкѣ, куда Господь, сохранившій насъ досель отъ всѣхъ бѣдъ, привелъ насъ. Скоро благословить меня Богъ чадомъ. Опиразднуемъ въ этой пустынѣ крестины новаго поселенца и.... распрощаемся!....

«Мудрая ваша рѣчь, добродѣю! — послѣ долгаго размышленія сказалъ Муха, переглянувшись съ товарищами. — «Благое ваше желаніе, бросити-бросить искать невѣрнаго, неизвѣстнаго, остатися — остаться при извѣстномъ спокойствіи. Богъ васъ за такую мысль, благословити — благословилъ, Онъ же и устроити — устроить все къ вашему и нашему благу. За чѣмъ же вы и куда насъ отсылаете? Благодареніе Богу исторгнутись — исторгнулись изъ плѣна египетскаго, мученіе ляхскаго пекельнаго, станемъ же и мы людьми. Гдѣ вы, добродѣю, тамъ и мы. Мы себѣ дурни, хотя и дойдемъ до самой Москвы, а все поумнѣти не поумнѣемъ, а колибъ еще и глупѣйшими стать-не стали. Тутъ, здѣсь, при тебѣ, добродѣю! Какъ поклялись, такъ и по вѣкъ остаться — останемся. Такъ ли, хлопцы!

—Такъ, такъ, такъ! закричали единодушно малочисленная громада и бросилась цѣловать руки и полы платья, до слезъ тронутаго такою преданностію Андрея.

«Когда жъ такъ — сказалъ онъ: — то и пусть будетъ такъ. Дайте мнѣ срокъ, когда меня Богъ чѣмъ обрадуетъ, тогда

я вамъ и всю мысль свою скажу. Посовѣтуемся и поможемъ на мѣрѣ.»

Успокоенный добрымъ началомъ своего предпріятія и нетревожимый состояніемъ своей Масы, Андрей съ спокойнымъ духомъ продолжалъ свои прогулки по окрестностямъ своего кочевья. Съ ружьемъ онъ проходилъ лѣсомъ, стрѣлялъ дичь, любовался мѣстоположеніями и только къ вечеру, по сдѣланнымъ въ лѣсу примѣтамъ возвращался домой.

Однажды и именно 5-го Іюля, отъ зари онъ все шелъ да шелъ, погруженный въ мысли о своемъ предположеніи и нечувствительно прошелъ верстъ восемь. Зной налипъ его, жажда мучила, но онъ не находилъ чѣмъ освѣжиться. Пробираясь густымъ лѣсомъ, пришелъ на край горы. Къ обрадованію своему, внизу увидѣлъ онъ изобильные источники, бросился туда, утомя жажду, освѣжился и изнуренный усталостію, тутъ же легъ и скоро уснулъ....

Просынаясь, видитъ предъ собою монаха съ большимъ вниманіемъ смотрящаго на него.... Андрей вскочилъ, оправилъ разстегнутую грудь, подошелъ съ уваженіемъ къ монаху и сказалъ: «благослови, отче, странника.»

Монахъ не поднимая руки, кротко, съ улыбкою, но дрожащимъ голосомъ говоритъ ему: «Меньшій неблагословить старшаго.»

— Какъ это, отче святой? — сказалъ удивленный Андрей.

«Андрей! вскрикнулъ монахъ, поднявъ руки и дрожа всемъ тѣломъ: — Ты братъ мой въ мѣрѣ. Я видѣлъ крестъ на тебѣ!...

— Братъ?.... ты Григорій?.... Братъ мой?....

«Брать!»

И долго они больше ничего не могли произносить, какъ это сладостное имя, отъ самаго дѣтства невыходившее изъ устъ ихъ. . . . Обниманія ихъ продолжались долго. . . . потомъ пошли распросы, рассказы. . . . Пришли въ келью монаха, тутъ же при источникахъ кое-какъ слѣвленную; хозяинъ предложилъ скудную трапезу. Тутъ Андрей рассказалъ брату все свои похождения.

Монахъ въ свою очередь рассказалъ, что когда онъ жилъ у тетки, то вдругъ неожиданно явился отецъ ихъ, сказалъ что-то невѣсткѣ. Она начала плакать горько и заботиться гдѣ бы укрыть его, но вдругъ набѣжали солдаты «батюшку схватили и потащили не знаю куда» — Такъ рассказывалъ монахъ. — Когда солдаты тащили батюшку, то я уцѣпился за него и хотѣлъ, чтобы и меня вмѣстѣ утащили. Батюшка успѣлъ благословить меня. . . . и я его больше не видѣлъ уже. Солдаты все кричали на батюшку: убійца! . . . убійца! . . .

Прошло дня два, мы съ тетюшкою все плакали. Она не смѣла послать развѣдать, что дѣлается съ батюшкою. . . . Какъ вдругъ набѣжали солдаты, вырвали меня изъ рукъ тетюшки и повезли не далеко, въ какой-то городъ и отдали меня въ одинъ домъ, гдѣ старый господинъ и все семейство его были въ черномъ платьѣ. На меня только взглянули и сказавъ: это онъ? приказали свести въ людскую.

Не стану пересказывать тебѣ, что я вытерпѣлъ въ этомъ домѣ. Никакого присмотра за мною не было; вѣчно голодень, холодень, почти нагъ, всегда бось, самое грубое обращеніе, упреки, брань; а когда началъ подростать,

черная, тяжелая работа вотъ все, что переносилъ я въ этомъ домѣ! Были люди, которые, иногда, входя въ мое положеніе, приголубливали меня, это было рѣдко и не на долго. У нихъ, въ добрый часъ, выпросилъ я, за что послѣдовало такое гоненіе на батюшку, продолжающееся даже на родъ его. Батюшку, гдѣ мы жили, любили всѣ вообще и начали убѣждать его, чтобы онъ служилъ имъ противъ Москвы. Батюшка слышать нехотѣлъ; однажды среди убѣжденій, одинъ изъ молодыхъ людей тутъ бывшихъ, дозволилъ себѣ говорить дерзость о русскихъ и шаткости ихъ въ мнѣніяхъ, принятіи какого-то бродягу за Царя и потомъ гоненіи на него, избраніи въ Цари, кто первый попался на глаза, отреченіи въ послѣдствіи отъ него — и много тому под. Батюшка унималъ клеветника; разгорячился въ споръ; дѣло дошло у нихъ до поединка, и онъ убилъ своего противника, сына знаменитаго чиновника. Батюшку преслѣдовали, схватили, заключили въ темницу, судили но онъ не перенесъ своего положенія. Болезнь изнурила его и онъ, бѣдствуя всю свою жизнь, далеко отъ отечества, отъ дѣтей, единою отрадою бывшихъ ему въ свѣтъ, не зная какая участь ожидаетъ насъ, въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, на голомъ камнѣ, кончилъ свою страдальческую жизнь!

«За кончиною его — продолжалъ монахъ: — судъ прекратился; рѣшено было, все имущество, какое только можетъ остаться, отдать отцу убитаго. Ты съ Агафономъ скрылся, а меня нашли и какъ вещь или какъ собаченку отдали по приговору. Не могли ничего уже сдѣлать батюшкѣ, — и на меня изливалось мщеніе огорченныхъ.

«Я былъ уже лѣтъ четырнадцати и не знаю что распо-

лагали со мною сдѣлать, какъ въ одинъ день, вытерпѣвши жестокия оскорбленія отъ чумичекъ на кухнѣ, я вышелъ за ворота и горько плакалъ. Понимая свое положеніе и ожидая еще худшаго отъ злобы владычющихъ мною, я совершенно терялся отъ отчаянія. Тутъ проходятъ два монаха и увидѣвъ меня, одинъ другому сказалъ по русски: «Что за лице у этого мальчика!»

— Да, — отвѣчалъ другой: — онъ какъ будто непростой. —

— Точно не простой, — отвѣчалъ я имъ, стараясь сколько можно чище выразиться по русски. — » страдаю здѣсь ужасно.

— Ты Русскій? вскричали оба монаха.

«Русскій, Москвитянинъ и чуть ли еще не сынъ боярина» сказалъ я сквозь слезы.

— Какимъ образомъ ты очутился здѣсь? спросили они.

И я въ короткихъ словахъ все пересказалъ о себѣ, какъ страдаю и неимью никакого средства избавиться отъ мучительнаго ига.

«Не хочешь ли съ нами. Мы тебя съ воземъ въ Россію?»

Я началъ ихъ просить убѣдительно — и тутъ же одинъ изъ нихъ покрывъ меня своею рясою, повелъ въ свою квартиру и въ тотъ же день мы выѣхали спокойно. Обо мнѣ небыло никакого розыска.

«Меня привезли въ Коломну, въ Голутвинъ Богоявленскій монастырь, За чѣмъ мнѣ было идти въ Москву? Кого тамъ отыскивать и для чего? Съ первыхъ дней мнѣ понравилась монастырская жизнь, я началъ учиться, а пришедши въ возрастъ, обдумавъ и разсчитавъ все, вступилъ

въ монашество. Я уже не Григорій, а недостойный Онуфрій, принявшій имя Святаго, празднуемаго въ день, когда возложили на меня монашескую мантию.

«Монастырь нашъ не уединенъ; житейская молва тяготила меня и я оставилъ мѣсто моего постриженія. Проходя по Россіи, видѣлъ монастыри, но неостался нигдѣ; мнѣ желалось спокойнаго безмолвія. Намѣревался пройти въ Кіевъ, нашъ русскій Іерусалимъ и также бѣдствующій подъ чужою властію. Вышедши изъ Россіи, шелъ мѣстами дикими безлюдными и какъ-то Всеблагій Промыслъ привелъ меня на это прекрасное мѣсто.... Чего мнѣ болѣе желать? подумалъ я. Сдѣлалъ себѣ келлію, запасся всѣмъ нужнымъ для зимы, отыскалъ русскій городокъ не въ близкомъ разстояніи, и тамъ есть Святая церковь, туда хожу для питанія души словомъ Божиимъ, а жители снабжаютъ меня не обходимымъ для грѣховнаго тѣла. — Возблагодаримъ же, любезный братъ, Всеблагаго Бога за Его всеблагій Промыслъ. Неповѣдимыми судьбами Его, мы сироты, безкровные, безпріютные, впавніе въ руки враговъ отца нашего, казалось, должны погибнуть, но, смотри! какъ чудесно мы сохранены, приведены во единое мѣсто, собраны воеже жити братіи вкупѣ. О коль добро и коль красно! о коль неповѣдимъ Господь въ милосердіи къ намъ, всегда токмо прогнѣвающимъ Его! — О Господи! — И онъ палъ на колѣна, молился со всею горячію.... Андрей съ такими же чувствами молился и благодарилъ Бога, такъ чудесно соединившаго его съ братомъ.... Теперь онъ не въ пустынь; ничего ему болѣе недостаетъ; все драгоценное ему въ міръ, все съ нимъ. Чего жъ еще ему искать?

Окончивъ молитву и укрьпясь пиццою, отецъ Онуфрій пожелалъ проводить брата до мѣста его кочевья, узнать жену его и благословить ее — и они отправились.

На пути, Андрей разсказалъ о намѣреніи своемъ остаться здѣсь на всегда и о своихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ. О. Онуфрій все одобрялъ и молилъ Бога о благополучномъ устроеніи всего задуманнаго.

Къ вечеру пришли они къ обиталищу Андрея. Кузминина первая встрѣтила ихъ; — радость и удовольствіе на лицѣ ея. — «Эхъ, ты горе охотникъ нашъ! — первый слова ея были, увидѣвши Андрея: — » Ну, чѣмъ похвалишься? Что заполевалъ? — А мы вотъ и бабы тутъ, да посмотригь-ка какого молодца изловили! — Иди-ка, иди скорѣе, полюбуйся.»

— Какъ?.... что такое?.... едва могъ спросить смущенный Андрей.

«Да нечто такое, — тараторила Кузминина; — а прямо красавчикъ, весь въ батюшку, матушкины глазки да усмѣшка....»

— Да что такое? раскажи мнѣ толкомъ — спрашивалъ дрожащій Андрей.

«Къ чему толковать, слова тратить. Иди, да поблагослови сынка — молодца, что Богъ тебѣ сего-дня ровно въ полдень даровалъ» — говорила Кузминина, но Андрей уже былъ у постели Мasiной, обнималъ ее довольную, радостную и спокойную.... Слезы мѣшали имъ сказать что либо другъ-другу, но эти слезы были даръ Божій, слезы радости, хваленія и благодаренія подателю всѣхъ благъ.

Успокоившись, Андрей принялъ на руки первенца своего, расцѣловалъ и опять обратился къ Масѣ, рассказалъ ей о чудесной встрѣчѣ съ братомъ, уже монахомъ. Мася пожелала видѣть его.

Отецъ Онуфрій благословивши жену брата и поворожденнаго, сказалъ: «Дивенъ въ дѣлахъ своихъ Господь-Богъ! Надобно же намъ было сойтись и именно въ этотъ день и принять отъ Бога даръ, тебѣ, любезный братъ, посылаемый. Сегодня 5 Іюля, церковь празднуетъ Св. Афанасія; по крестамъ у насъ имѣвшимся, должно полагать, что родители нашего звали Афанасіемъ. Въ день Ангела его, Богъ, насъ разлученныхъ въ дѣтствѣ, соединилъ въ необитаемой пустынѣ и послалъ намъ этаго Ангела. Сохранимъ-же въ немъ имя Святаго соединившаго насъ, которое, вѣроятно, носилъ и отецъ нашъ.»

— Во имя Бога великаго и милосерднаго! — воскликнулъ Андрей, поднимая вверхъ младенца. — Первенецъ мой, дарованный мнѣ въ избранной мною пустынѣ, да будетъ — Афанасій Квитка! Ему, а чрезъ него и всему роду заповѣдаю, никогда и нигдѣ не отыскивать правъ родители моего. — Батюшка! Призри, благослови насъ и молись за насъ!....

Братъ и Мася обнялись и, расцѣловавъ новопришедшаго въ міръ, занялись бесѣдою, сколько позволило состояніе Маси.

На другой день Муха «поспѣшить — поспѣшилъ» въ Чугуевъ и скоро привезъ оттуда Священника съ требами для совершенія крещенія. О. Онуфрій былъ воспріемнымъ отцомъ Афанасію Квиткѣ.

Когда здоровье Маси дозволило, Федосья Кузминична

наговоривъ тѣмъ желаній, отвезена была въ Чугуевъ; Настя же, полюбивъ Масю, вызвалась остаться при ней для прислуги.

Призвавъ Муху и двухъ изъ его товарищей, Андрей предложилъ имъ ѣхать въ Украину за Днѣпръ, въ свои мѣста «и если уже — такъ говорилъ онъ: —» ваше желаніе непременно поселиться въ этой пустынѣ съ нами, то приглашите кого изъ земляковъ своихъ переселиться сюда. Страданія отъ Ляховъ и жидовъ не выносимы, утѣшенія за вѣру нестерпимы! До коихъ поръ все это переносить? Пока козаки соберутся и явно отложатся отъ Польши, какъ вы и я слышали о всеобщемъ желаніи ихъ, то много горя достанется претерпѣть! Кто хочетъ спокойствія, пусть смѣло идетъ сюда. Здѣсь поселимся, здѣсь обзаведемся всѣмъ. Земля обѣтованная, край блаженный! Свободно будетъ намъ молиться своему Богу. Царь православный приметъ насъ подъ свою сильную руку и мы счастливо будемъ жить здѣсь. Успѣютъ-ли наши земляки, (я говорю наши, потому что я выросъ и сталъ человекомъ между вами;) успѣютъ-ли они въ своемъ задуманномъ благомъ предпріятіи? Боже ихъ благослови возвратиться въ нѣдра родной своей матери; а мы въ волѣ и спокойствіи наживемся.»

— А дадутъ-ли намъ Татары свободно жить? — сказали одинъ изъ отряжаемыхъ.

«Мы поселимся въ сторонѣ отъ того пути, по которому они пускаются на русскія селенія. При томъ же будемъ жить скрытно, близъ этихъ лѣсовъ. При малѣйшей тревогѣ, мы со всѣмъ нашимъ имуществомъ скроемся въ лѣса. Не успѣвъ съ перваго раза ничѣмъ у насъ поживитъ-

ся, они оставят преслѣдовать насъ. Если же Богъ пошлетъ на мысль значительному числу поселиться съ нами, тогда устроимъ себѣ острожокъ и будемъ въ немъ отсиживаться и отстрѣливаться. Татарва не любитъ этаго и оставятъ насъ въ покоѣ —».

Давъ еще полнѣйшія наставленія, какъ имъ дѣйствовать и чѣмъ убѣждать земляковъ своихъ къ переселенію, Андрей отпустилъ Муху съ товарищами въ путь, а о. Онуфрій напутствовалъ ихъ молитвою о успѣхѣ въ благомъ предначинаніи.

Въ ожиданіи исполненія задуманнаго предпріятія, поселенцы наши жили спокойно и не теряли времени къ устройству для будущаго. Андрей и два оставшіеся съ нимъ козака, доставъ въ Чугуевъ необходимыя инструменты, приступили къ постройкѣ избы, все въ той же березовой рощѣ, гдѣ основанъ былъ и первый шалашъ. Маса здоровая, веселая, живая, восхищенная тѣмъ, что мысль ея объ основаніи всегдашняго жилища, въ такомъ пріятномъ, свободномъ, далеко отъ свѣтскаго шума мѣстѣ, осуществляется, не отлучна была отъ мастера *при строеніи*, своего Андрея, милаго Квитки; тутъ же сидя и работая свое, занимала его то пѣсенками, то шутками и всячески ободряла его въ трудахъ. Маленькій поселенецъ покоился близъ нея; но плутишка, чтобъ угодить матери и выиграть себѣ что нибудь, по временамъ, не плакалъ а какъ будто шутя, пищалъ — и тутъ Андрей, оставя зарубливать уголь, кинетъ топоръ и очутится близъ малютки, вмѣстѣ съ Масею. Дитя зацѣлуютъ, да и сами начнутъ миловаться, пока-то вспомнить объ оставленной работѣ. Настя, со всѣмъ усердіемъ исправляла все по хо-

зйству. Нерѣдко о. Онуфрій навѣщаль ихъ и по нѣ-
сколько дней проводилъ съ ними, то бесѣдуя, то также
съ топоромъ трудясь около бревна. Знакомый имъ Чугуевъ
доставлялъ все необходимое. Оедосья Кузминяшна нахо-
дила случай навѣщать своего «внучка — красавца» и бала-
гурствомъ своимъ да присказами доставляла большое удо-
вольствіе нашимъ поселенцамъ.

Кончилось лѣто, осень уже началась, какъ вотъ явился
Муха съ товарищами, а за ними... цѣлый транспортъ
переселенцовъ съ семействами, имуществомъ, скотомъ. Раз-
сказы Мухи въ Украинѣ приняты въ уваженіе и нѣсколь-
ко семействъ изъ разореннаго, утѣшеннаго города Чер-
касъ, въ Украинѣ, изъ за Кіева верстъ 250, рѣшились из-
бѣгнуть гнетущаго ихъ ига и испытать счастья на вольной
землѣ. Съ радостью встрѣтилъ ихъ Андрей, но тутъ же пред-
ложилъ имъ, изъ опасенія, чтобы не обратить вниманія на себя
иногда могущихъ рыскать по симъ мѣстамъ Татаръ, селить-
ся не всѣмъ вмѣстѣ, а порознь «хуторами» на удобныхъ мѣ-
стахъ. Семейства два осталось въ томъ мѣстѣ гдѣ основался
прежде Квитка, а прочіе расположились почти по семейно,
гдѣ кому нравилось. Общими однако же трудами выстроены
для всѣхъ избы, вспахано и засеяно въ озимъ поле, сколь-
ко можно было снято сѣна для приведеннаго скота и такъ
положено было, что бы и на будущее время, всѣ работы
производить вмѣстѣ и выручкою раздѣляться по семейно. Му-
ха, отъ всѣхъ прозванный «проворный какъ Муха» каждому
семейству выбиралъ въ окрестности мѣста для поселеній, да-
валъ полезныя совѣты каждому и былъ у Андрея, главнаго
всѣмъ распорядителя, какъ бы управляющій: наблюдалъ,
осматривалъ и приводилъ въ порядокъ всѣ его распоряженія.

Одной только Масѣ, привезъ Муха огорченіе и печаль. Отецъ ея, ясный воевода кievскій, попавшій въ руки вѣтренной женщины, второй жены своей, слушалъ ее во всемъ, запутался въ дѣлахъ своихъ, смѣненъ и въ маестностяхъ своихъ, не допивъ бочки ковенскаго меду и столѣтнаго венгерскаго, умеръ; имѣніемъ завладѣла жена въ пользу прижитыхъ съ нею дѣтей. Мася поплакала, но.... съ нею Андрей, сынъ.... пусть будетъ, какъ будетъ. «Въ нихъ мое отечество, мое богатство!» сказала и обратилась къ занятіямъ своимъ.

Хата для Андрея, съ помощію пришедшихъ переселенцевъ, отдѣлана была отлично. Поселившіеся на этой *Основа*, выстроили также и себѣ для житія чрезъ зиму что успѣли. Муха въ особенности занимался устройствомъ одной землянки. Андрей замѣтилъ это и спросилъ, не для себя ли онъ это готовить?

«Для козака не нужно бы ни какого приюта, хоть бы и на зиму. — Сказалъ Муха твердо, но уже продолжалъ съ запинкою: — » Но какъ всякій чело­вѣкъ любить — любить двойственность, то и я....» и замолкъ.

— А! не жениться ли хочешь? — спросилъ Андрей. — Во святой часъ, умножай наше новое поселеніе. У кого въ семьѣ выбралъ?

Переселенцы прибыли съ своими семействами. Унѣкоторыхъ были взрослые дочери.

«Не у кого же въ семьѣ какъ не у васъ, добродѣю!»

— Какъ это? —

«Хочется мнѣ совершенно обмоскалиться. Для такого случая пригодна *жінка*.» Благословити — благословите и дозволити — подожьте съ вашей Настею лю-

бовъ возымѣть и въ бракъ законный вступить — вступить. »

— Очень радъ. Согласна ли она?—

«Боже мой, какъ согласна! Она щиро меня любити — любить и охотою охотно итти — идетъ за меня.»

Не долго собиралися къ свадьбѣ. Съѣздили въ Чугуевъ за согласіемъ родителей Настинныхъ, привезли ихъ и новонаселяющійся край огласился веселыми, свадебными пѣснями.

Зимою, Муха, по приказанію Андрея, долженъ былъ оставить молодую жену и снова отправится въ Украину, для приглашенія переселенцевъ въ новый край. Съ нимъ поѣхали нѣкоторые изъ пришедшихъ осенью для удостовѣренія о всѣхъ выгодахъ, какія найдутъ они въ дикой и всѣмъ изобилующей степи.

Съ открытіемъ весны, Муха возвратился съ многими переселенцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ не доходя до *Основы*, новаго поселенія, куда призывалъ ихъ Муха для совѣта, найдя великія удобства, избрали себѣ мѣста по рѣкамъ Пслѣ, Ворсклѣ и далѣе въ степь, и селились уже большими хуторами. Дошедшія съ Мухой до *Основы* поселенія, по совѣту Андрея, начали отыскивать мѣста и селиться также значительными хуторами по ближе къ границѣ русской, по рѣкѣ Донцу.

Съ транспортомъ Мухи, избѣгая гоненій и утѣшеній за Вѣру, прибыли въ новый край три монаха. О. Онуфрій принялъ ихъ съ душевною радостію. По распоряженію Андрея, въ пустынь на источникахъ, сооружена часовня во имя С. Онуфрія и иноки положили основаніе обители.

По усердію своему, Маса пожелала тутъ же, на Основѣ, выстроить часовню, во имя Рождества Предтечи, въ память того дня, въ который они прибыли сюда. «Хочу — сказала она, принести первую въ этой часовнѣ молитву: — при жизни своей устроить храмъ во имя сего великаго Святаго; но если Богъ меня не удостоитъ того, то заповѣдую и приказываю сыну и роду своему, непременно на этомъ мѣстѣ устроить храмъ рождества Св. Предтечи въ память нашего водворенія здѣсь.»

Годы шли, шли и поселенцы въ новый край. По всей Украинѣ, по всемъ мѣстамъ, угнетаемы были Русскіе, народъ православный принуждаемъ былъ принять Унію и для этого дана была воля жидамъ взять на откупъ храмы Божіи. Жаждущіе Божественнаго Слова, совершенія безкровной жертвы, должны были заплатить за позволеніе совершать службу въ церквѣ. Нужно крестить младенца, напутствовать старца и немощнаго при отходѣ въ вѣчность, предать землѣ усопшаго, какую бы ни было требу Христіанскую исполнить, церковь отпереть, хотя бы только для прибора, — за все должно было платить жиду откупившему у польскаго начальства право утѣснять христіанъ, коимъ отъ католиковъ другаго не было имени, какъ «пизматики.» Всѣ гоненія за Вѣру, утѣсненія въ гражданскомъ управленіи, тягость отъ непомерныхъ налоговъ, все это волновало умы русскихъ на Украинѣ. Отложеніе отъ польскаго ига готовилось, но еще не настало время: располагавшіе великимъ дѣломъ, встрѣчали затрудненія; простой-же народъ, помѣщики не участвовавшіе въ заговорѣ, не знали что готовится патриотами для общаго спасенія; при первой разнесшейся въ ихъ край молвѣ, объ

удобности къ жизни въ новоселяющемся краѣ, въ дикихъ мѣстахъ, можно жить привольно, молиться свободно своему Богу и зависть отъ одного своего законнаго Царя и однимъ словомъ, какъ были въ прежнее время, такъ опять стать настоящими русскими, двинулись изъ за Днѣпра и наиболѣе изъ повѣтовъ крайне разоренныхъ и угнетенныхъ Черкасъ, Зембора, Корсуна, Чигирина и другихъ.

Ежегодно переходило переселенцовъ великое множество. Кромѣ семействъ и всего имущества своего, они, чтобъ не оставлять святыни на поруганіе жидамъ и такимъ-же не-христамъ, Ляхамъ, забирали самыя Церкви и уложивъ благолѣпно святыню, все везли съ собою. Нѣкоторые, по привязанности къ роду прежнихъ своихъ владѣльцовъ, дѣтей ихъ находившихся въ спротствѣ, чтобы неподдали ляхскому игу, забирали также съ собою и призирали ихъ уже и на мѣсть. Вся Украина поднималась искать слободы, перейти на слободныя мѣста, гдѣ уже есть Основа новому поселенію. Всѣ шли къ Основѣ, разумѣя то мѣсто гдѣ прежде поселился Андрей, и нѣкоторые въ окружностяхъ, а другіе не доходя до того мѣста или проходя, по свободѣ въ стороны, избирали себѣ, какъ сказано, любыя и выгодныя мѣста, селились слободно (:свобода, свободою:) и хутора ихъ звались отъ того слободами.

До того поселенія, край сей, былъ безмолвною степью. Одни звѣри гуляли по полямъ, проживали въ лѣсахъ, да ватаги татарской орды, проносились безъ пути и дороги, куда зря, лишь бы добраться до русскихъ селеній, городковъ по бѣлгородской чертѣ, вновь тогда устроиваемой, захватить скотъ, раззорить селеніе, живьемъ забрать годныхъ

имъ людей, а не нужныхъ приколотъ.... Гуляли себѣ, мошенники, какъ дома, а подѣ часъ да при силѣ, пробирались и гораздо за черту, тревожили, разоряли русскіе городки и селенія, во все нечаявшіе такой бѣды. Отъ удачъ избаловались наконецъ до того, что подумывали обзавестись своимъ хозяйствомъ, присосѣдиться поближе къ Россіи, за тѣмъ, знаете, чтобы не далеко было уводить добычу, а при неудачѣ и урывать безъ оглядки отъ погони русскихъ. Уже на р. Донѣ, извѣстный «Гузунъ-Курганъ» (у коего нынѣ городъ Изюмъ Харьковской губерніи), а на р. Ворсклѣ «Бѣлый-Боръ» (Ахтырка, городъ той же губерніи), укрѣпили по-своему и проживали въ нихъ покойно; не переставая дѣлать оттуда набѣги, уводили въ свои укрѣпленія, что попадало подѣ руку. Матушкѣ нашей Россіи тогда не до того было. Самозванцы, Ляхи, свои недруги, занимали ее, сердечную, и тревожили много и не давали времени все обдумать и устроить. Уже царствовалъ благодатный Михаилъ, но много требовалось дѣятельности на приведеніе въ порядокъ внутри государства всѣхъ частей и обезпеченіе его извнѣ отъ важнѣйшихъ враговъ; такъ объ этой дряни, каковы Татары, не время еще было заботиться. Дошла бы очередь и къ нимъ, но Богъ помогъ и дѣло, сперва по маленьку шедшее, принесло великую пользу.

Рыскающіе Татары замѣтили незваныхъ гостей, поселяющихся на землѣ которую они почитали своею собственностію. Давай ихъ тормошить, тревожить, разорять... но *слобожане* (такъ называвшіеся отъ свободы въ поселеніи) не оплошали. Узнавъ неизчислимыя выгоды отъ обладанія привольнымъ краемъ, не думая тѣшить Татаръ

и убраться съ заселяющагося края, они рѣшились проучить ихъ по-своему. Для этого, надобно было укрѣпляться острожками, обносить валомъ, запасаться оружіемъ. О такой необходимости прослышнвали въ Украинѣ и не раздумывали переселяться, но уже набирали съ собою годнаго оружія. Кромѣ ручнаго, помѣщики забирали имѣвшіеся у нихъ издревле при домахъ пушки, снабжали ими вновь устроенные городки и, подъ часъ, порядочно проучивали Татаръ. Не безъ того, что и Татары, нападая въ расцлохъ, разоряли недавно обзаведенныя селенія, жителей умерщвляли, отводили въ плѣнъ; но вновь приходящіе селились на тѣхъ же пепелищахъ и придумывали все къ своей оборонѣ отъ врага. Невозможно было безъ оружія выйти за селеніе. Татары, неожиданно, словно изъ земли, являлись и увлекали съ собою попадавшихъся, если они не имѣли чѣмъ оборониться. Работы въ полѣ производились во множествѣ: управляющій плугомъ имѣлъ саблю у бока, рушницу (ружье) за спиною. Въ мѣстахъ ближе къ «Основѣ поселенія» и отъ нее къ востоку и полудню, какъ подверженнымъ большимъ безпокойствамъ отъ Татаръ, самопроизвольно составилось козачество, т. е. составились небольшія конныя партіи, обязанныя, при малѣйшей гдѣ-либо тревогѣ, со всѣхъ селеній являться на помощь бѣдствующимъ.

Такъ все шло годъ отъ году далѣе. До Андрея доходили утѣшающіе его слухи, что край, имъ избранный, не смотря на безпокойства Татаръ, болѣе и болѣе люднѣетъ. Отъ 1643 года, въ который поселенія во всемъ краѣ значительно умножились, такъ названное по протекающей рѣкѣ, поселеніе «Сумы» уже имѣло видъ порядочнаго го-

рода, какъ по укрѣпленію, такъ и по населенію. Ахтырка, изъ прежняго татарскаго укрѣпленія, опустѣвшая и считавшаяся въ польскомъ владѣніи, возобновлена укрѣпленіемъ и по многолюдству начала почитаться городомъ съ 1645 года. Невольно весь край начиналъ дѣлиться на области, видимо требовалось внутренняго устройства, радились, совѣтовались, но не учредили ничего.

Нашъ же молодецъ, объ основаніи котораго здѣсь говорится, теперешній папахенъ, или какъ тогда называли «батько» всѣхъ городовъ, еще въ то время и не родился. Извѣстна только была рѣка Харьковъ, вытекающая изъ Россіи, т. е. изъ Бѣлогородской провинціи, протекающая близъ Основы поселенія, мѣста, гдѣ поселился первоначально Квитка, и тутъ же соединясь съ рѣкою Лопанью, проходила далѣе сосновымъ боромъ и впадала въ рѣку Уды, втекающую въ рѣку Донецъ.

По теченію рѣки Харькова, Андрей часто ходилъ на охоту и обозрѣвалъ новопоселяющіеся слободы. Проходя внизъ по теченію ея, нашелъ маленькой хуторокъ на мѣстѣ удобномъ для жизни, а у живущихъ огороды, сады фруктовыхъ деревъ и колодезь хорошей воды (*). Онъ любовался удобствомъ мѣста для жизни, прошелъ далѣе на возвышенность и въ немъ родилась мысль, для приведенія которой въ дѣйствіе, онъ всѣмъ вновь прибывающимъ поселенцамъ, всегда первоначально явившимся къ нему, какъ «осадчому» за совѣтомъ, гдѣ выгоднѣе поселиться, началъ предлагать селиться на хуторъ Харьковскомъ и вверхъ по возвышенію. Населеніе скоро умножилось, нужно было

(*) Что нынѣ извѣстено подъ именемъ: Бѣлогородскій.

подумать о укрѣпленіи мѣста, устроеніи города. Мѣсто, по совѣту съ поселившимся тутъ же шляхетствомъ, найдено удобнымъ; на горѣ, съ обоихъ сторонъ проходили рѣки: Харьковъ и Лопань; за послѣднею, къ высокой горѣ, называемой уже — холодною, были озера, болота, топи, наконецъ дикіе сады, соединяющіеся съ непроходимыми лѣсами; за рѣкою Харьковомъ также сады, рощи и луговыя мѣста; въ третью сторону (что нынѣ называется подоль) большія болота, поросшія густымъ высокимъ камышомъ.

Приступлено къ построенію города и къ сооруженію храма Божія, подобно какъ и въ другихъ городахъ и значительныхъ селеніяхъ. Поселенцы упросили о. Онуфрія отправиться съ выборными отъ общества къ Черниговскому Владыкѣ, просить его молитвъ и благословенія въ благомъ начинаніи и отряженіи отъ себя духовнаго лица для освященія города и храма Господня въ немъ и въ другихъ селеніяхъ, имѣющихъ въ томъ нужду, равно и о приглашеніи духовныхъ лицъ для занятія мѣстъ священниковъ при новоустроенныхъ церквахъ.

Посольство отправилось, благополучно прибыло въ Черниговъ и со вниманіемъ выслушана Преосвященнымъ просьба новыхъ поселенцевъ. Отрядивъ именитое духовное лице съ уполномочіемъ освятить всѣ вновь устроенные храмы, снабдивъ должною для того святынею, согласивъ священниковъ занять мѣста пастырей новособраннаго стада Христова, Преосвященный, при отпускѣ посольства, благословилъ и вручилъ имъ подлинный, чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы, *Елецкою* именуемый и сказалъ при томъ: «Благая Заступница да путеводствуетъ васъ въ из-

«бранное мѣсто для славы Божіей, да благопоспѣшнѣ въ исполненіи желанія дѣлателей благаго предпріятія и благо-
«датно Своею да неотступитъ никогда отъ мѣста избран-
«наго для хвалы Святаго имени Его. Но да помнитъ каж-
«дый гражданинъ новостроющагося града, что въ благо-
«честіи жителей зиждутся грады, устами же нечестиво
«живущихъ раскопаются.»

Съ должнымъ благоговѣніемъ жители предполагаемаго города встрѣтили образъ Благодатной, покровительству которой вручили себя и новый городъ. Встрѣча была на холодной горѣ и оттуда духовенство въ облаченіи, съ пѣніемъ, свѣчами и кадилами несло въ предполагаемый городъ. На непроходимыхъ мѣстахъ (*) устроены были мостики и безопасные переходы. По принесеніи Св. Образа въ городъ, внесень Онъ былъ въ церковь, на скоро выстроенную и за недостаткомъ способовъ, весьма незначительно убранную. Любящими благолѣпіе храмовъ пріисканы были колокола, большій изъ нихъ былъ пудовъ въ пять.

Приступили къ приготовленію заложенія города и освященія въ немъ храма Божія.

Въ вечеръ, 14 Августа 1646 года въ дикомъ, безлюдномъ, не обитаемомъ до того мѣстѣ, раздался первый звонъ колокола, призывающій, хотя и не во многомъ еще числѣ поселившихся гражданъ, къ славословію имени Божія и Заступницы всѣхъ уповающихъ на помощь Ея. Всенощное бдѣніе совершено.

Въ самый же день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, во имя коего сооружена и церковь, освященъ былъ

(*) Что нынѣ Екатеринославская улица.

храмъ, совершена въ немъ безкровная жертва и потомъ съ возможнымъ мѣсту и обстоятельствамъ благомѣишемъ выступила изъ храма духовная процессія. По чиноположенію церковному, на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось быть городскимъ воротамъ и башнямъ, приносимы были установленныя молитвы съ окропленіемъ Св. водою и осѣненіемъ образа Той, въ руцѣ которой поручаемъ былъ градъ. Усердные граждане, въ восторгѣ душевномъ, чтобъ явить свою радость, при всякомъ торжественномъ дѣйствіи стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, привезенныхъ съ собою шляхетствомъ фамиліи Ковалевскихъ, Земборскихъ и другихъ.

Городъ въ молитвословіи наименованъ былъ «Харьковомъ». До сего было совѣщаніе, какъ именовать городъ. И общее мнѣніе основалось назвать его по рѣкѣ, мимо его протекающей. «Рѣка течетъ изъ Россіи — говоритъ Квитка, а съ нимъ согласились и всѣ: —» Пусть и по имени извѣстно будетъ, что мы коренные русскіе, подданные православнаго и преславнаго Царя Московскаго.»

По окончаніи пировъ, необходимыхъ при такомъ необыкновенномъ событіи, принялись за укрѣпленіе города. Вотъ его тогдашняя величина и обширность. Первые ворота были, гдѣ нынѣ въѣзжаютъ къ Университету; другіе тамъ, гдѣ домъ и лавки купца С. Θ. Карпова; третьи, гдѣ сапожный рядъ; четвертые, на случай облежанія города, тайный ходъ къ р. Лопани, спускъ между присутственными мѣстами и лавками Карпова. Прочее все было обнесено рвами, дубовымъ чистоколомъ, кое-гдѣ стояли пушки, о коихъ уже сказано выше.

Такъ рассказывали старики.

Вотъ вамъ весь тогдашній Харьковъ. Что, если бы всталъ кто изъ бывшихъ при заложениі его? Узналъ-ли бы мѣсто, гдѣ были домики первокласныхъ тогда жителей?.... Тото-же. И вотъ исполняется только двѣсти лѣтъ отъ первоначальнаго его основанія..... Пожалуйста, любезные земляки, 15 Августа 1846 года погуляемъ знатно въ память двухъ-сотъ лѣтія нашего Харькова — молодца.

Далѣе рассказывать здѣсь не мѣсто. Предположено сказать объ основаніи Харькова, а не исторію его написать — и вотъ дѣло кончено. Развѣ объяснить нѣсколько послѣдствій, поясняющихъ сказанное выше.

По совершеніи духовнаго обряда, жители новаго города, въ изъявленіе благочестія своего къ Благодатной покровительницѣ своей, начали дѣлать приношенія для украшенія Св. Образа Ея. Первый Андрей повергъ свой крестъ, данный ему при крещеніи, чтобы у потомства его истребить всякое разсужденіе о происхожденіи своемъ и предназначилъ его на вѣнецъ образа Божіея Матери. Духовенство, прибывшее изъ Чернигова, освятивъ вездѣ церкви, устроенныя въ слободахъ, располагало отправиться обратно, съ Св. Образомъ; но осеннее время, безпокойства отъ усиливающихся татарскихъ шаекъ и смуты въ Малороссіи, заставили ихъ Святыню оставить въ Харьковѣ, а сами, переодѣвшись въ простыхъ людей, отправились въ Черниговъ, съ предположеніемъ, въ благоприятное время прислать за Образомъ съ приличнымъ препровожденіемъ и охраненіемъ; но безпокойства въ Ма-

А за

дѣлать

нѣ при

Ваваса

но мого

матрону

Емѣ

Можемъ

бывае

погуля

мѣсто

Но от

теди

скоо

раци

нѣ до

мѣсто

По вѣ

лороссіи, перемена Владыки черниговскаго, тогдашнія власти откладывали все далье и далье, а наконецъ образъ Заступницы остался на всегда въ Харьковъ и осияеть его Своимъ покровомъ.

Отецъ Онуфрій имѣлъ душевное утѣшеніе устроить въ своей пустынь, на источникахъ, храмъ во имя Св. Онуфрія и съ малочисленною братіею жилъ уединенно и окончивъ благочестивую жизнь, тамъ же и погребенъ. Обитель его опустѣла не надолго. Когда образовались и устроились такъ названные отъ слободъ «слободскіе козацкіе полки;» Полковникъ Харьковскаго полка по прозванію «Донецъ» съ полковою старшиною возобновилъ монастырь и уже на горѣ основалъ его и устроилъ церковь Спаса Преображенія. Церковь же Св. Онуфрія, на источникахъ, оставалась въ своемъ видѣ.

Первое поселеніе Квитки, прозванное первоначально Основною, сохранило свое именованіе и по нынѣ. Андрей и жена его, по преданію, похоронены тамъ же, близъ часовни. Желаніе Маси, устроить храмъ въ березовой рощѣ, гдѣ основанъ первый шалашъ для ихъ пребыванія, не исполнилось; уже правнукъ ихъ, Харьковскій Полковникъ, Григорій Семеновичъ Квитка въ 1714 году соорудилъ тамъ церковь во имя Рождества Св. Предтечи. Знаменитая березовая роща красовалась и была любимымъ гуляньемъ Харьковцевъ до 19 Іюня 1789 года. Въ тотъ день ужаснѣйшая буря, положила въ полчаса всѣ деревья. Песокъ возобладалъ сильно и до того, что господскую усадьбу и церковь должно было снести оттуда.

Сынъ Андрея и Маси, Афанасій Квитка, былъ полковымъ Судьею въ Харьковскомъ Слободскомъ полку и отъ

Донецъ
Харьковъ
Квитка

него пошелъ родъ Квитокъ. Золотая цѣпь, на которой, можетъ быть, отецъ Андрея носилъ гривну, потерянную Агафономъ, передавалась изъ рода въ родъ; при раздѣленіи домовъ дѣлились на части и у одного изъ потомковъ хранится одна изъ нихъ.

А Татары? — Ого! — Сначала помаленьку проучивали ихъ, отбивались, потомъ разбивали ихъ и до того стѣснили, что они уже и носа показать сюда не смѣли. И Гузунъ-Курганъ, наши слободскіе козаки удержали за собою и прошли еще далѣе до рѣки Тора, поселились тамъ, гдѣ нынѣ заштатный городъ Славянскъ. А Харьковъ все цвѣлъ да процвѣталъ, и сталъ тѣмъ молодцомъ, какимъ вы его видите

Основьяненко.

Харьковъ.

